

Аномальная зона

Андрей Анатольевич Кокотюха

После чернобыльской аварии почти всех жителей села Подлесное, что в Житомирской области, переселили. Однако спустя многие годы вымершее село из зоны отчуждения напоминает о себе – там вдруг начинают происходить необъяснимые события. Бывшие жители странным образом снова оказываются в селе и... исчезают. Потом они возвращаются, но не помнят ни минуты с того момента, как их поглотила аномальная зона...

Андрей Кокотюха

Аномальная зона

© Кокотюха А., 2017

© Depositphotos.com / liseykina, обложка, 2017

© Shutterstock.com / Anton Romanov, обложка, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

* * *

– Чары никогда не исчезают бесследно, – пояснил Дамблдор, когда челнок легонько стукнулся о берег, – и эти следы бывают порой очень выразительными.

Д. К. Роулинг. Гарри Поттер и Принц-полукровка

Часть 1

Параллельный мир

1

Все начнется завтра.

А сегодня у Шамрая был обычный рабочий день.

Обычный рабочий день – это когда встречаешься с разными психами и делаешь вид, что веришь им и принимаешь их бред всерьез.

Иначе нельзя: тогда не поверят уже тебе самому.

Остальное начнется завтра...

2

Дверь квартиры на шестом этаже старенькой девятиэтажки с поломанным лифтом была обита потрескавшимся коричневым дерматином.

Крест-накрест его пересекал неглубокий разрез. По обе стороны красовались новенькие, совершенно неповрежденные двери: слева – бронированная, справа – из цельного дуба, покрытая сверкающим лаком. Однако номер квартиры, которая была ему нужна, был написан на сиротской двери мелом, тогда как те, кто окопался за навороченными дверями, вполне обходились без номеров.

Шамрай придавил пальцем кнопку звонка. Изнутри не донеслось ни звука. Он нажал еще раз, потом еще, после чего осторожно постучал по изрезанному дерматину. Эффект –

нулевой. Тогда Шамрай постучал сильнее, кулаком, и наконец за дверь послышался шорох. Щелкнул замок, дверь приоткрылась ровно на длину допотопной цепочки.

– Это вы? – опасливо спросили из-за двери.

– Это я, – бодро отозвался Шамрай. – Документы предъявить?

Дверь захлопнулась, чтобы через мгновение снова открыться – теперь уже во всю ширину. Цепочку сняли.

Хозяйка квартиры оказалась коротко стриженной пожилой женщиной, кутающейся в длинный, некогда роскошный и дорогой, а теперь просто потертый бархатный халат с драконами. Полы халата доходили почти до линолеума, из-под них выглядывали самопальные теплые тапки с собачьими мордочками – таких на каждом вещевом рынке полно.

Возраст хозяйки Шамрай даже не пытался прикинуть. Впрочем, во взгляде, которым она его окинула, не было ничего безумного. Да и по телефону ее голос звучал вполне нормально.

– Документы можно купить какие хочешь. Прилепил фото, шлепнул поддельную печать, и нате – готовый сотрудник органов.

– Я не сотрудник органов, – натянуто усмехнулся Шамрай. – Вы Галина Григорьевна, я не ошибся?

– Да уж ясно, что вы не оттуда, – буркнула женщина в халате. – Оттуда ко мне уже не ходят. Прошу!

Отступив на шаг, Галина Григорьевна кивком предложила гостю войти. Шамрай переступил порог и тут же двумя привычными движениями сбросил туфли. Однако в квартире оказалось на редкость грязно – левый носок, едва коснувшись линолеума в прихожей, тут же прилип к какой-то дряни.

– Не надо бы вам разуваться, – заметила хозяйка. – Это только японцы снимают обувь на пороге. Хотя если вам так удобнее...

– Я и есть немножко японец, – попытался пошутить Шамрай. – А может, китаец, точно не знаю.

– Если китаец, я вас зеленым чаем угощу. Проходите в кухню. Нам все равно туда.

За четыре года общения с подобной публикой Шамрай уже привык к тому, что практически

все эти люди – одиночки, живут в нищете или на грани нищеты, но упорно не желают этого замечать. Приходится признать: такие персонажи куда счастливее, чем он сам и подобные ему. И уж точно счастливее всяких там олигархов.

Поэтому увиденное в кухне Шамрай воспринял без особой брезгливости. Чугунная мойка, в ней три грязные алюминиевые миски, рядом эмалированная кружка в горошек, в которой киснет пакетик спитого чая. На старом холодильнике, который явно доживает последние дни, хлебница в виде плетеной корзинки с куском батона, аккуратно завернутым в полупрозрачную пленку. Стол покрыт липкой цветастой клеенкой. Рядом – две табуретки. На плите – закопченный чайник, на стене – полочка, на которой стоит пол-литровая банка, полная алюминиевых ложек и вилок, какие когда-то давным-давно водились в советских столовых.

На подоконнике примостился белый репродуктор радиоточки – единственный предмет обстановки, сияющий чистотой.

– Присаживайтесь... Как вас зовут?

– Виктор.

– Ага, посидите, Виктор, я сейчас. Чаю, чаю...

Движения этой женщины напомнили Шамраю движения робота. Ну ладно, пусть даже и не механической куклы, но все равно на живого человека со всеми его радостями и горестями, бедами и проблемами новая знакомая была не особенно похожа. Но и на несчастную, замордованную нищетой тетку – еще меньше. Огонек в ее глазах он уже успел заметить. Не вполне здоровый, но все-таки – огонек...

Женщина налила в чайник воды из-под крана, зажгла горелку, сломав при этом три спички, поставила воду на газ и выбросила из кружки использованный чайный пакетик. Сполоснув посудину, взяла с подоконника чашку с отбитым краем, тоже сполоснула и поставила перед гостем.

– Вы – крепкий?

– Я? – удивился Шамрай.

– Пьете крепкий? Чай крепкий предпочитаете?

– А, да-да, если можно.

Галина Григорьевна взяла с подоконника коробочку с пакетиками дешевого зеленого чая и бросила пару в чашку гостя.

– Сахар?

– Нет, благодарю, – вежливо отказался Шамрай. – Значит, это вы мне звонили...

– Я звонила не вам. Вы взяли трубку.

– Хорошо, – согласился Виктор. – Но говорили-то вы со мной. Можете повторить свой рассказ или хотя бы показать, что тут у вас происходит?

– Вы же ради этого и пришли, – спокойно ответила женщина. – Смотрите сюда: это происходит вот так...

Подойдя к радиоточке, она повернула регулятор вправо, сделав звук громче. Репродуктор молчал. Шамрай терпеливо ждал пояснений.

– Вы думаете, наверно, что радио выключено, – произнесла наконец Галина Григорьевна, хотя в данный момент Виктор вообще ни о чем не думал. – Вот, взгляните.

Женщина выдернула репродуктор из розетки, потом вставила вилку обратно. Опять покрутила ручку громкости. Ничего не произошло – динамик молчал.

– А теперь так. – Женщина взяла пластиковую коробку репродуктора обеими руками, несколько раз встряхнула, при этом дернулся и провод. Радио зарычало и засвистело. Причем звуки, которые доносились изнутри, невозможно было отделить один от другого. Возникало впечатление, будто они доносятся как минимум из потустороннего мира. Или из космоса.

Именно так и пояснила Галина Григорьевна по телефону: через ее радиоточку у нее налажена постоянная связь с космосом.

Шамрай привычно сделал вид, что все это ему чрезвычайно любопытно.

– И давно это так?

– Третий месяц. – Женщина оставила репродуктор в покое и с гордостью взглянула на гостя. – Радио болтало-болтало, несло всякую чепуху, а в один прекрасный день взяло и замолчало. Я и так и сяк крутила, потом надоело. Решила, что накрылось. Даже специально ходила с просьбой, чтобы мне не включали радиоточку в квартплату: все равно ведь не пользуюсь. Так они, сволочи, не захотели ничего менять, тогда я пообещала подать на них в суд. Честно – три раза обещала, потом даже к адвокату пошла... У нас здесь рядом, через два дома, юридическая консультация. Сидит там девонька хорошая, симпатичная, евреечка только, но это неважно... Ну, она и

растолковала мне, что ни черта тут не светит, не одолею я этих бюрократов. Да и денег все стоит, а где я столько возьму, у меня даже на консультацию не было. Все платное, хоть бы они там все передохли, олигархи эти, бандиты... Но девушка ничего, даже денег не взяла. Говорит – фамилия ей моя знакома. Ее мама, видите ли, меня еще по областному драмтеатру помнит, а я же там все главные роли переиграла... У такой известной актрисы, говорит, денег не возьму. Уважение, молодой человек, дорогого стоит... Ладно, глупости все это. Словом, ушла я, так ничего и не добившись. Думаю: пусть подавятся моими копейками, не будет им счастья.

Шамрай этот монолог не прерывал – просто включил диктофон. Галина Григорьевна заметила, но никак не отреагировала – говорила и говорила. Не остановил ее даже вскипевший чайник.

– В общем, не стала я правды добиваться... – Хозяйка выключила газ, схватила чайник и принялась размахивать им, как поп кадиллом. Виктор даже слегка испугался: не приведи бог, плеснет кипятку куда-нибудь в район ширинки. – Значит, проходит месяц, второй, третий, и вдруг прямо среди бела дня радио ожило. Не заговорило – обратите внимание! – самостоятельно ожило. Вот так, как вы только что слышали. – Чайник угрожающе наклонился над Шамраем, он слегка отодвинулся, но обошлось: кипяток угодил точно в чашку, залив пакетики, которые тут же вздулись и всплыли. – Сперва я хотела выключить – зачем мне этот свист... – Женщина наполнила и свою чашку. – А потом начала прислушиваться и все поняла. А вы? Вы ничего не поняли, Виктор?

Шамрай ограничился тем, что отрицательно покачал головой.

– Видно, что вы человек совершенно штатский. Сколько вам лет?

– Тридцать.

– Где служили?

– Совсем не служил. Бог миловал.

– Не миловал, а покарал! – Галина Григорьевна погрозила гостю пальцем. – Мужчина обязан послужить в армии. Мужчина – воин, он таким рождается. Мой покойный муж постоянно это повторял, а он был офицером-связистом! Вот, смотрите!..

С проворством, которого Шамрай от нее совсем не ожидал, Галина Григорьевна выпорхнула из кухни и через мгновение вернулась с фотографией в рамке: очень красивая женщина с роскошными длинными волосами, одетая в пышное вечернее платье, стоит рядом с бравым офицером в погонах майора.

– Это мы в девяностом, когда в Германии жили. Муж там служил, войска связи КГБ,

секретная часть. Я участвовала в гарнизонной самодеятельности и играла, честное слово, лучше, чем в каком-нибудь большом, так сказать, настоящем театре. Видите, какое платье? Мне его специально сшили, это мы после премьеры... Потом наших вывели из Германии, а нас направили сюда, в Житомир... Грустная история. Но я это к тому веду, что мой покойный муж был кадровым военным, связистом. Иногда мы даже развлекались – вместо разговоров перестукивались азбукой Морзе. Дочка даже решила было, что мы с мужем немножко того. – Женщина покрутила пальцем у виска.

– Кстати, где теперь ваша дочь? – как бы между прочим поинтересовался Шамрай.

– Живет в Германии. Давно. Сначала бизнес, а потом окончательно выехала. Видите, как иногда складывается... Но не в том дело: когда я услышала эти звуки из радиоточки, они мне сразу что-то напомнили. Прислушалась повнимательнее – точно, морзянка! Да вы пейте чай, остынет...

Шамрай послушно сделал глоток. Напиток отдавал чем угодно, только не зеленым чаем.

Он тут же вспомнил, как в прошлом году познакомился с чудиком, который утверждал, что под видом зеленого чая народу продают специальным образом обработанную траву, которая подавляет половую функцию. Объяснялось все просто: у мужчины перестало как следует получаться с женщинами, и в поисках причины он неожиданно вспомнил – в последнее время пил исключительно зеленый чай в пакетиках. Для чистоты эксперимента страдалец принялся употреблять это пойло в больших количествах, чуть ли не литрами. Принял, по его словам, главный удар на себя. Половая жизнь не налаживалась. Тогда чудик полностью отказался от зеленого чая – и опять никаких перемен к лучшему. И вот на этом основании он вывел свою теорию глобального заговора производителей зеленого чая против генофонда Житомирщины, и без того пострадавшей от чернобыльской катастрофы. Правда, дядьке тому как раз стукнуло семьдесят пять...

– И тогда у меня в голове все сразу сложилось! – Галина Григорьевна уже не скрывала своей радости. – Это мой муж, подполковник в отставке Горбанский, продолжает общаться со мной с того света через космическое пространство. Другого способа нет, поскольку его в принципе не существует. В первый год после смерти он мне по ночам являлся, что-то говорил, только я ничего не могла разобрать. Тогда он перестал приходить. А теперь, видите, нашел другой способ. Им же там, в иных мирах, гораздо больше известно о нас, чем нам о них. Вот он и предупреждает нас об опасности.

– Нас? – переспросил, уточняя, Шамрай.

– Нас, – кивнула вдова подполковника. – Меня, а через меня – все человечество. Я сперва молчала, молчала, потому что считала это дело сугубо личным. Интимным, если угодно. Но в последнее время такие сообщения пошли, молодой человек, что я решила: не имею больше права таиться, надо рассказать обо всем людям. Вы же о мировом

кризисе слышали?

– О нем теперь все слышали. Наверно, даже бомжи на автовокзале.

– А я узнала об этом гораздо раньше! – победно провозгласила Галина Григорьевна. – Мне муж через космический телеграф отстучал: мол, готовьтесь, было худо, а станет еще хуже. И обещал посоветовать, как с этим бороться. Там, – женщина многозначительно подняла палец к потолку, – все о нас знают. Вот у нас на базаре картошка подорожала. А муж мне заранее сообщил: «Галя, займи денег, купи мешок, потому что скоро прижмет!» Я заняла, купила мешок. Правда, не удержалась – поделилась со знакомыми женщинами. Те послушались, тоже начали мешками картошку скупать. А в следующие выходные тот же дед уже продавал ее в два раза дороже.

– Хорошо. – Шамрай отодвинул от себя чашку с так называемым чаем и оперся локтем на стол, поскольку так было удобнее держать диктофон. – Вы можете рассказать, о чем еще предупреждает нас космос? У вас же постоянная связь, вы, наверно, много всякого знаете...

– Вы меня сфотографируете? – внезапно спросила Галина Григорьевна.

– А как же! И фамилию вашу дадим. Вы же знаменитая актриса... А теперь еще и посредник между Вселенной и Житомиром.

При этих словах ни один мускул не дрогнул на лице Шамрая.

– Ах, ну какой там посредник, – отмахнулась женщина. – Только и всего, что муж азбуке Морзе выучил, вот я и начала все это понимать. Мне надо переодеться?

– По-домашнему даже лучше. – Виктор положил диктофон на стол и полез в сумку за фотоаппаратом. – Вы продолжайте, продолжайте. Все, что вы рассказываете, для нас очень ценно.

– Ну-у... в общем, муж передал, что новым президентом Америки станет темный человек. Я сначала подумала, что это метафора такая, а потом поняла: это же в самом прямом смысле. Мы же с вами знаем уже, кто победил – темнокожий, негр... Что там еще было? А, вот, о ценах на мясо...

Она говорила и говорила. Диктофон работал. Шамрай щелкал фотоаппаратом.

Чуть ли не сразу, с лету, Виктор прикинул для себя, как вся эта чертовщина могла происходить на самом деле. Очевидно, все дело в радио. Скорее всего, репродуктор уже совсем дряхлый и какие-то контакты внутри замыкаются сами собой или после того, как его встряхнут. А может, в проводах или розетке где-то плохой контакт, из-за чего аппарат

не в состоянии толком работать. Еще более вероятно, что имеет место и то и другое – в комплексе, так сказать. Поэтому его надо либо отремонтировать, либо выкинуть и купить новый репродуктор, а еще лучше – дешевый китайский приемник на батарейках, если уж Галине Григорьевне невмоготу без радио.

Дело за малым – чтобы кто-нибудь это сделал или, на худой конец, просто разъяснил пожилой женщине ситуацию.

Но кто сказал, что хозяйка квартиры хочет воспринимать реальность такой, какова она на самом деле? У нее же связь с космосом, причем прямая – она может получать информацию, какой нет ни у кого. Она соглашается назвать свое имя, не возражает против того, чтобы ее фотографировали, к тому же обнаружилось любопытное обстоятельство: она, оказывается, когда-то играла в труппе областного драматического театра.

Материал по-любому попадет на первую полосу. Да еще и с продолжением в следующем номере.

3

Газета, в которой вот уже четвертый год работал Виктор Шамрай, называлась «Необычные факты».

Сначала она выходила на четырех, потом на восьми, а с осени этого года – уже на шестнадцати полосах. Слово «необычные» в названии было начертано курсивом и наискось, чтобы в глаза бросалось жирно набранное «ФАКТЫ». Таким же шрифтом, как в названии очень популярной во всех регионах Украины газеты «Факты и комментарии». Иногда, с позволения ее редакции, житомирские «Необычные факты» перепечатывали оттуда тот или иной материал. Например, о трактористе, который, проткнув арматурным прутом мошонку, не просто выжил, но и заделал своей любовнице близнецов. Или о полуграмотном сельском дедугане, который после поражения шаровой молнией вдруг заговорил по-английски. Ну и, ясное дело, о женщине, умудрившейся забеременеть от умершего мужа.

Тем не менее «Необычные факты» делали главную ставку не на перепечатки, а на факты, нарытые собственными силами. Хотя «нарытые» – слишком сильно сказано. Большая часть статей, включая гороскопы и всякого рода альтернативные прогнозы, представляла собой плод богатого воображения и болезненной фантазии сотрудников редакции. Без этих качеств на работу в «Необычные факты» не брали. Чем больше вымысла в невероятной истории, чем менее она правдоподобна, тем больше людей в нее поверят. Вот и вся редакционная политика.

Правда, хоть что-то реальное в публикуемых материалах должно было присутствовать, дабы уравнивать бредовые выдумки и тем самым поднимать доверие к газете. Иначе «Необычные факты» давно осточертели бы инвесторам, для которых с самого своего основания эта газета была скорее забавой или прихотью, чем серьезным средством влияния на определенные слои граждан, каким она стала уже через год своего существования. Гороскопы, пророчества, прогнозы, чудеса, инопланетяне, чудотворные иконы, явления Бога или дьявола, советы астрологов и целителей – все это пошло на ура и сделало «Необычные факты» если не прибыльным, то по меньшей мере безубыточным изданием. Владельцы, державшие довольно известное в Житомире и области рекламное агентство, а также агентство по недвижимости и издательско-полиграфическую фирму, сами не ожидали такого успеха. И были согласны, что материалы, в которых фигурируют вполне реальные люди – те, кто живет рядом или на соседней улице, – добавляют газете популярности. Благодаря им издание – и его хозяева, разумеется, – имели высокий кредит доверия.

Между прочим, Виктор Шамрай, как и прочие работники редакции, не раз и не два имел возможность убедиться в том, что «Необычные факты» действительно имеют ощутимое влияние на общественное мнение. Во всяком случае, в областном центре и на Житомирщине. Во время очередных местных выборов один из кандидатов, очевидно, прилично заплатил владельцам газеты, чтобы на ее страницах появилась какая-нибудь чертовщина о его главном сопернике. Заказ был выполнен четко: в каком-то захолустном селе откопали самую настоящую бабу-целительницу, та посмотрела на фото местных политиков и заявила – над одним из них что-то многовато черного тумана. Ясное дело, господином «в черном тумане» оказался тот самый нежелательный конкурент. Читатели «Необычных фактов» были в основном людьми пожилыми, предпенсионного и пенсионного возраста. В отличие от молодежи, на выборы они ходили добросовестно. И, поверив целительнице, голосов своих за подозрительного кандидата не отдали.

Позже этот кандидат обвинил соперника в черном пиаре и даже попытался подать на газету в суд за распространение ложных сведений о нем. Но вовремя опомнился, когда ему втолковали: в газете опубликовано всего лишь мнение полуграмотной старухи, у которой даже телевизора нет, потому что это – грех. Ну а как там на самом деле происходила ее беседа с автором статьи – никому не известно. Вызывать бабу в суд в качестве свидетеля бесполезно: этим истец еще больше испортит свой и без того подпорченный имидж. А такая газетенка, как «Необычные факты», может печатать какую угодно хрень – такой уж у нее статус, такой формат. Люди либо верят, что инопланетяне есть, либо не верят. В данном случае невозможно доказать, что две трети пенсионеров Житомирщины проголосовали против одного кандидата в пользу другого только потому, что на досуге почитывают мусорную газетку, публикующую гороскопы, статьи о похищениях людей марсианами и о появлении трехголовых волков в зоне отчуждения.

Ту давнюю публикацию подготовил как раз Шамрай.

Он и в самом деле съездил к старухе куда-то в Радомышльский район, отвез ей гуманитарную помощь от редакции – гречневую крупу, масло и сахар, действительно предъявил ей фото двух политических оппонентов на агитационных листовках, и бабка на обоих узрела нечто вроде печати Сатаны. Сфотографировав ее за разглядыванием листовок, Шамрай на скорую руку склепал нужный текст, за что и получил спустя некоторое время дополнительные двести баксов в длинном белом конверте.

Он вообще специализировался на работе с реальными людьми.

Не сказать чтобы на первых порах ему это так уж нравилось. Однако в «Необычных фактах» Виктор в свое время оказался в силу обстоятельств, о которых чем дальше, тем меньше хотелось вспоминать. Тут он не слишком напрягался, имел стабильный заработок, знал, чего от него ждут, и вполне соответствовал требованиям владельцев газеты, а значит, и своего непосредственного руководства.

Проработав в «Необычных фактах» немногим больше трех лет, Виктор Шамрай уже имел свободный и комфортный график работы, крохотный, в закутке возле сортира, но тем не менее отдельный кабинет и своего рода неприкосновенность. Он знал, чего от него хотят и ждут. Те, кто платил ему деньги, тоже знали – Виктор не подведет. Обе стороны чувствовали: еще немного – и Шамраю уже не придется лично отыскивать всяких сумасшедших, готовых описывать свои встречи с НЛО, и сочинять о них байки соответствующего содержания. Для этой цели у него вскоре появятся подчиненные, двое или трое, скорее всего, это будут молоденькие девчонки без лишних амбиций, если не считать желания прославиться.

А одна из самых тиражных газет в области, которой многие доверяют и с популярностью которой вынуждены считаться даже киевские политики, стремящиеся распространить свое влияние на Житомирщину, такую возможность ему предоставит.

4

Фото Галины Горбанской – женщины, начавшей контактировать с космосом посредством радиоточки в собственной квартире и получать от покойного мужа пророческие в масштабах города, региона, Украины и мира предупреждения, – пойдет на первой полосе.

Перед тем как взяться за статью, Шамрай из любопытства сделал несколько звонков и немало узнал о своей новой знакомой.

Оказывается, семья Горбанских поселилась в Житомире, на родине мужа Галины, летом 1991 года, за несколько недель до августовского путча и начала распада страны, именовавшейся Союзом Советских Социалистических Республик. Когда советские воинские части начали выводить из Восточной Германии, муж Галины приложил

максимум усилий, чтобы перевестись в родной город и там осесть. Галина – действительно бывшая актриса – ранее заведовала в гарнизоне офицерским клубом и руководила там художественной самодеятельностью. В Житомире ей удалось устроиться в областной театр драмы, где она лет десять подряд вполне успешно играла то Проню Прокоповну, то Кайдашиху – словом, была задействована во всех спектаклях классического украинского театрального репертуара.

Тем временем начались сокращения в армии. Муж, еще недавно солидный старший офицер, оказался сначала без работы, а потом и вообще за чертой бедности. Театр тоже не давал семье условий для сносного существования, на страну надвигались трудные времена. Взявшись торговать на рынке женскими колготками, мужскими трусами и детскими игрушками, отставной подполковник Горбанский весьма быстро спился, а прикончила его какая-то самопальная пятидесятиградусная дрянь, которая подчистую сожгла ему желудок. Оставшись одна с дочерью, Галина впала в депрессию. Как следствие – водка, психическое расстройство, увольнение из театра, принудительное лечение, которого добилась дочь, к тому времени достигшая совершеннолетия. Сбавив матушку на попечение врачей и санитаров, дочь по-быстрому продала их трехкомнатную квартиру, купила однокомнатную, прописала в ней мать, чтобы той было куда вернуться из больницы, а остаток денег потратила с пользой для себя: перебралась в Киев, сняла квартиру, нашла в столице подходящего иностранца и довольно скоро убыла вместе с ним в Германию.

Теперь она – немецкая гражданка. Мать не забывает, аккуратно высылает деньги. Целых двадцать евро ежемесячно. Или всего двадцать – это уж кому как нравится. Если добавить их к пенсии по инвалидности, получится чуть больше установленного государством прожиточного минимума. Галине Горбанской, очевидно, этого хватало.

Шамрая совершенно не мучила совесть. Эта женщина не просто читательница, но и подписчица «Необычных фактов». Она сама позвонила в редакцию, откликнувшись на объявление, которое печаталось в каждом номере и призывало людей, которые столкнулись с паранормальными явлениями, обращаться в редакцию. И если Галина Григорьевна Горбанская пожелала поведать миру о своих контактах с параллельным миром посредством радиоточки – пусть, это ее право.

Между прочим, нигде не сказано, что в газетах можно писать только о тех, у кого нет справки от участкового психиатра.

Затем возбудившиеся читатели начнут разыскивать через редакцию адрес или телефон Галины Григорьевны, новой ясновидицы, которая может кое-что разъяснить насчет будущего. И напрасно, ведь адресов и телефонов здесь никогда и никому не дают. Некоторое время будут названивать, а потом перестанут, станут ждать новых публикаций о Горбанской. По меньшей мере раз в квартал газета возвращалась к своим прежним персонажам, чтобы освежить их облик в глазах постоянных читателей.

Эта дама, как и большинство подобных субъектов, удобна и для Шамрая, и для его начальства прежде всего тем, что у нее нет близких родственников. Никто не сунется с безграмотным иском в суд о якобы причинении морального вреда. Именно поэтому такие статьи всегда оставались для «Необычных фактов» желанными и безопасными.

Пока Виктор Шамрай набрасывал текст и пересылал его вместе с фото верстальщику, город медленно погружался во влажные сумерки. В сумерках падали листья.

Завтрашний день не сулил ничего принципиально нового.

Даже когда на следующее утро Виктора окликнули в редакционном коридоре – у поста охраны его ждала какая-то молодая женщина, – он был все еще очень далек от мысли, что именно с ее появления для него все и начнется.

5

– Это вы Виктор? Доброе утро. Мне сказали, что я должна обратиться к вам...

С виду посетительнице было лет двадцать пять или, может, даже меньше. Ничего патологического в ее внешности и взгляде Шамрай не заметил. Обычно его навещали контактеры с параллельными мирами, а они в большинстве люди пожилые, со специфическим внешним видом. Но девушка выглядела довольно пристойно, была стильно одета и держалась не так чтоб уверенно. Кроме того, она, хоть и не была яркой красавицей, имела весьма привлекательную внешность, о которой явно заботилась. Типичные городские сумасшедшие, с которыми Шамраю чаще всего приходилось иметь дело, всегда были абсолютно уверены в себе и своей правоте. Все до единого были неопрятны, одеты в старье, от них разило потом, чисткой зубов они пренебрегали, а с их сальных волос обильно сыпалась на плечи перхоть. Мужчины были или давно небриты, или, наоборот, выбриты до синевы, до порезов на ввалившихся щеках. Женщины же понятия не имели, чем занимаются парикмахеры. Но главное в другом: все они были так говорливы, что могли довести до озверения даже редакционных охранников, привычных к такой публике.

Однако эта посетительница вела себя сдержанно, помалкивала и слегка жалась, как мышь в кошачьем заповеднике.

– Он самый, – кивнул Шамрай. – Кто сказал и по какому поводу?

– По телефону сказали. Я сегодня утром позвонила, изложила суть дела...

Девушка по-прежнему явно робела. Шамраю даже почудилось, что она едва

сдерживается, чтобы не развернуться и не сбежать.

– Хорошо, давайте пройдем ко мне, – кивнул он, пропуская гостью вперед.

Открыв свой кабинет, Шамрай предложил девушке войти, прикрыл дверь, кивнул на стул у перегородки, а сам устроился за столом.

Он периодически бросал курить и как раз сейчас был «в завязке» – держался без курева уже четвертый месяц. Однако пепельница с логотипом фирмы, которой принадлежала газета, на столе присутствовала, и Шамрай придвинул ее поближе к девушке. Та восприняла это как должное, вытащила из сумочки пачку длинных дамских сигарет, дорогую зажигалку и закурила. Перехватив взгляд Виктора, она повертела зажигалку в пальцах и пояснила:

– Подарок.

– Ага, – отозвался Шамрай. А что на это ответишь?

Гостья вернула зажигалку в недра сумочки, стряхнула пепел и выжидательно взглянула на Виктора. Тот, в свою очередь, уставился на нее.

– Так в чем вопрос?

– Какой вопрос? – Девушка растерянно моргнула. Глаза у нее были слегка раскосые, что подтверждало наличие крохотной примеси восточной крови.

– Дело, с которым вы пришли, – оно в чем, собственно, заключается? – спросил Шамрай. – Кстати, как вас зовут?

– Тамара. Фамилия – Томилина. – Длинный накрашенный ноготь снова сбил столбик пепла в пепельницу.

– Прекрасно, Тома Томилина. Так чем я могу вам помочь, раз уж вас ко мне направили?

Девушка сделала небольшую паузу.

– Даже не знаю, с чего начать...

– Начинать всегда следует с самого начала, – посоветовал Шамрай.

– В том-то и дело, что я не знаю, где у этой истории начало, а главное – чем она закончится. Вы же занимаетесь разными необычными явлениями, верно?

– Неверно. Мы о них пишем. Занимаются ими или изучают их, если уж говорить совершенно точно, специальные люди в специальных организациях. Мы, разумеется, работаем в постоянном контакте с этими людьми, поэтому...

– Эти ваши специалисты первым делом отправят меня в дурку! – отрезала Тамара и глубоко затянулась. – Знаете, есть такая больничка в Заречанах?[1 - Заречаны – пригород Житомира, где находится областная психиатрическая больница № 1. (Здесь и далее примеч. перевод., если не указано иное.)] А я не сумасшедшая, у меня тут, – она слегка постучала пальчиком по виску, – все в порядке. Просто есть факты, которые я не могу проверить сама. А вы тут, в вашей газете, только тем и занимаетесь, что проверяете такие истории.

– Что значит – «такие», Тома? – Шамрай уже понял: придется набраться терпения. – Вы, пожалуйста, как-нибудь ближе к делу, без околичностей.

– Ну вот я и не знаю, как начать, чтобы вы меня не сдали медикам.

– Да никого мы никуда не сдаем, – попытался успокоить девушку Виктор. – Выкладывайте, а я уж сам решу, что делать и как реагировать. Поверьте, мне в этом кабинете такое приходилось выслушивать – мама не горюй!

– О'кей, – наконец набралась духу Томилина. – Вас интересуют аномальные зоны?

– Это, так сказать, наш профиль, – энергично кивнул Шамрай. – Если вам известна какая-нибудь, о которой мы еще не писали, то выкладывайте смело. Буду только признателен.

– Есть одна такая зона. Это приблизительно в ста километрах отсюда, между Народицким и Овручским районами. Есть там такое село – Подлесное. Вернее, было: оттуда почти всех местных отселили после Чернобыля. Село маленькое, можно сказать, вымершее. Там много таких, эта территория попала в зону отчуждения...

– Стоп-стоп-стоп! – Шамрай жестом остановил девушку. – Извините, конечно, вопрос дурацкий, но все же: сколько вам лет и откуда вы все это так хорошо знаете? Мне, например, тридцатка летом стукнула. Когда Чернобыль рванул, я как раз первый класс заканчивал, но всю эту чернобыльскую панику хорошо помню. Меня потом пару раз вывозили оздоравливаться вместе с другими детьми, которые считались «чернобыльскими». Но и я таких подробностей вспомнить бы не смог, пришлось бы специально собирать информацию...

– А вы не перебивайте меня! – Тамара нервным движением расплющила окурочек в пепельнице и теперь явно не знала, куда девать руки, поэтому вынула из пачки следующую сигарету и снова закурила. – Не перебивайте, потому что мне и так непросто

слова подбирать. Потому что в этом вся соль... – Она снова выдержала почти театральную паузу. – Дело в том... Дело в том, что я должна была родиться в этом самом Подлесном весной восемьдесят шестого, когда Чернобыль рванул.

Шамрай откинулся на спинку стула и попытался переварить первую порцию информации.

– Так, – наконец проговорил он. – Что значит – «должна была родиться»? И почему именно там? Когда же вы родились, в конце концов?

– Могу паспорт показать. У меня с собой.

В подтверждение своих слов Тамара Томилиная, пристроив сигаретку на краю пепельницы, порылась в сумочке, вытащила оттуда паспорт и развернула его на нужной странице.

– Место рождения – Хмельницкая область, Староконстантиновский район, село... Ага... – Шамрай снова не знал, как на все это реагировать. – И что с того?

– Дату рождения видите?

– Четвертое мая тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Вам сейчас уже двадцать два, – зачем-то брякнул Виктор. – Но я не понимаю... Может, я что-то упустил?

– Реактор в Чернобыле рванул двадцать шестого апреля. – Теперь уже Тамара говорила с ним как с непонятливым ребенком, которому сложно объяснить, почему нельзя совать пальцы в розетку. – Я родилась через восемь дней. Хотя и не должна была: по всем расчетам, родам у мамы полагалось начаться на несколько недель позже. Наша семья жила в том самом Подлесном. Когда все это случилось, отец заплатил соседу какие-то безумные по тем временам деньги, чтобы он отвез маму к его родственникам на Подолье. Считалось почему-то, что там безопаснее. Именно поэтому я родилась не там, где должна была.

– Хм... – Шамрай потер подбородок. – Это... Это имеет какое-то значение?

– В свете того, что происходит со мной в последнее время, – да. – Тамара спрятала паспорт и снова закурила. – Уже несколько недель подряд Подлесное зовет меня к себе.

Не обращая внимания на реакцию Виктора на эти слова, она продолжала, глядя ему прямо в глаза:

– Там, в Подлесном, пропадают люди. Там аномальная зона, гиблое место. Вот почему оттуда едва ли не первыми начали отселять местных. Я должна была родиться там, у меня связь с этим местом. И теперь Подлесное меня зовет, чтобы я вернулась. Хочет забрать меня, поглотить, понимаете? Забрать навсегда. Или отнять хотя бы часть памяти.

Понимаете? Ну что вы так смотрите? В самом деле психушка по мне плачет?

6

В том, что его новая знакомая – вполне здоровый человек, Виктор Шамрай не сомневался.

Из его опыта общения с теми, кто так или иначе имел какое-то отношение к параллельному миру и аномальным явлениям, вытекал один неопровержимый факт: настоящий сумасшедший или человек с хотя бы небольшими психическими отклонениями никогда не усомнится в собственной нормальности. Наоборот, в восприятии этих людей весь окружающий мир давным-давно слетел с катушек и не проваливается в тартарары только благодаря таким, как они.

Тамара Томилина вела себя настолько адекватно, что даже съевший собаку в таких делах Шамрай поверил ее дальнейшему рассказу. Разумеется, с известными оговорками – но поверил. А рассказала девушка следующее.

Народичский и Овручский районы действительно считаются в Житомирской области самыми пострадавшими от чернобыльской аварии территориями. Часть тамошних населенных пунктов еще двадцать с лишним лет назад отнесли к зоне отчуждения, а людей начали массово переселять оттуда. Однако силой выезжать никого не принуждали, поэтому в отдельных селах остались одинокие жители, преимущественно люди пожилые. В силу преклонного возраста они постепенно вымирают, но, даже когда там не останется ни души, границу зоны отчуждения и заброшенные хутора и села будут по-прежнему охранять специальные милицейские подразделения.

Все это Виктор Шамрай знал и без Тамары.

Зато он не знал, что в последние годы в районе села Подлесное бесследно исчезали люди. Об этом нигде не писали и даже не упоминали, поэтому ему приходилось самому решать, верить ли словам Тамары. Ведь их семья в свое время бежала оттуда, а потом уже получила официальный статус переселенцев. Окончив школу, Тамара отправилась учиться в Киев, но в силу разных житейских обстоятельств бросила Университет культуры, вернулась домой, потом перебралась в Житомир и нашла работу. Где, в какой должности – девушка не сказала, а Виктор не стал допытываться. Судя по всему, не так уж это было важно.

Важнее другое: как-то на рынке, совсем недавно, Тома встретила своих бывших односельчан, тоже «отселенцев». И узнала от них, что в течение последнего года несколько их родственников и знакомых по необъяснимым причинам вдруг сорвались с места, уехали в Подлесное и больше не появлялись. Правда, не все – кое-кто все же

возвращался, но не мог ничего вспомнить о том, что же все-таки случилось с ним в последние дни, недели, а порой даже и месяцы.

Единственным, чем эти люди могли объяснить свое отсутствие, был некий непонятный зов, тяга к тем местам. Их словно гигантским магнитом влекло туда. И только один обмолвился: «Подлесное зовет своих к себе!»

Сейчас разыскать всех, кто угодил в аномальную зону и вернулся оттуда с прорехой в памяти, практически невозможно. Тамара называла какие-то имена, фамилии, которые ничего не говорили Шамраю и наверняка никогда ничего не скажут. Однако, по словам девушки, возвратившись из тех мест, люди внезапно начинали собираться и уезжали в неизвестном направлении. Безразлично куда – лишь бы подальше отсюда. Тамара, впрочем, считала, что кое-кого из них еще можно разыскать в Киеве на черных биржах по найму рабочих рук.

Но даже не это тревожило девушку.

В последнее время по ночам ей стали слышаться какие-то странные звуки. Проснувшись, она садилась на кровати и подолгу смотрела в темное окно, ощущая при этом то, что не могла объяснить словами: ее, как и остальных бывших жителей Подлесного, это проклятое место звало к себе.

– Я боюсь, – наконец подвела итог своему рассказу Тамара. – А чего именно – не понимаю. Но боюсь – и все. Думаю, вы понимаете: приди я с этим куда-нибудь, кроме вашей газеты, меня тут же отправили бы к психиатру.

– Ну, я бы на вашем месте не преувеличивал, – вставил Виктор, хотя мысленно уже был готов согласиться.

– А я и не преувеличиваю. – Девушка расплющила в пепельнице очередной окурок. – Говорю все как есть. Поэтому и пришла. А вам как журналисту не хотелось бы разобраться, что там на самом деле творится, в этой самой зоне? Если там действительно имеют место аномалии, которые каким-то образом способны влиять на всех, кто связан с Подлесным и его окрестностями, вы попытаетесь это объяснить. А я, соответственно, уже не буду бояться продолжать действовать.

– И как же вы собираетесь действовать?

Тамара пожала плечами.

– Не знаю. Просто даю вам информацию для размышлений. И прошу, чтобы вы или кто-нибудь другой попробовали объяснить мне, что происходит. И там, в Подлесном, и здесь, со мной.

Ничего особенного, впрочем, не происходило. За исключением того, что села Подлесного не было на карте Житомирской области. Сколько ни высматривал Шамрай эту точку на стыке Народичского и Овручского районов, найти ничего не удавалось. Интернет, вечная палочка-выручалочка, тоже ничего не мог подсказать. Поисковая система выдала множество населенных пунктов с таким названием, в том числе один на Житомирщине, да только на другом конце области.

Виктор не отчаивался. Да и с чего бы, собственно? Во-первых, карты, с которыми он сверялся, были совершенно новыми. Если маленькое село Подлесное оказалось в зоне отчуждения и в экстренном порядке было эвакуировано, на современных картах не имеет смысла его даже искать. Несмотря на то что, по словам Тамары Томилиной, там еще доживают свой век какие-то старики. А во-вторых, факт отсутствия Подлесного на карте вполне укладывался в формат их газеты. Ведь даже при самом горячем желании проверить правдивость публикации об аномальной зоне обычные граждане не смогут: не фиг им заморачиваться такими глупостями...

В активе у Шамрая была девушка, ощущавшая странный зов из аномальной зоны – из того места, где она должна была появиться на свет и с которым она таким странным образом связана. На первый взгляд – чистейший бред. Но если присмотреться, да еще и прислушаться, мог бы выйти недурной сюжет для очередной серии «Секретных материалов» или «Медиума»[2 - «Секретные материалы», «Медиум» – широко известные американские сериалы, герои которых специализируются на исследовании паранормальных явлений.]. А это значит, он будет полностью переварен постоянными читателями «Необычных фактов». Тем более что Тома Томила готова обнародовать свое полное имя и позволила себя сфотографировать. Редакционный фотограф тут же воспользовался этим разрешением, и Шамрай отпустил девушку, пообещав лично все проверить на месте. Провести, как теперь выражаются, «журналистское расследование».

Из того, что наговорила Тамара, могла выйти разве что страничка текста. Остальное Шамраю предстояло добирать на месте, то есть выехав в эту самую аномальную зону. Если села нет на карте, это не значит, что его нет и в природе. И если в указанном девушкой районе постоянно дежурят спецотряды милиции, разыскать это Подлесное – вопрос техники.

Придя к такому выводу, Шамрай неожиданно огорчился: слишком элементарно и как-то тривиально все складывалось. Дальше он планировал действовать по давно отработанной схеме: позвонить знакомому геологу, профессору Максиму Ивановичу Горбатько, который уже несколько лет бескорыстно сотрудничал с «Необычными фактами» только ради того, чтобы раз в несколько месяцев выступить на страницах

газеты в качестве авторитетного эксперта. Они усядутся в редакционную машину, прокатятся в район Подлесного и разыщут это Богом забытое место. Профессор Горбатько займется там биолокацией[3 - Биолокация – здесь: псевдонаучная методика, позволяющая посредством индикатора – рамки или маятника – определять наличие каких-либо предметов или объектов в пространстве, получать ответы с «уровня информационного поля».], определит, где находятся геопатогенные зоны[4 - Геопатогенная зона – участок земной поверхности, где наблюдаются негативные воздействия тех или иных факторов на живые организмы – людей, животных, растения.], а фотограф Жора увековечит его за этим действием.

Репортаж из аномальной зоны. Комментарий профессора. Несколько фотографий. Начало статьи на первой полосе, продолжение – на шестой или восьмой. И все, дело сделано, как сказал однажды старому алкашу Билли Бонсу слепой пират по имени Пью[5 - Шамрай цитирует реплику из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ». В этом эпизоде слепой Пью, передавая Билли Бонсу «черную метку», зловеще добавляет: «Дело сделано».]

А раз так, можно отправляться пить кофе.

В холле офисного здания, где редакция арендовала помещение, стоял кофейный автомат. Спускаясь с третьего этажа на первый, Виктор по пути заглянул к начальству, чтобы заявить тему об аномальной зоне и по-быстрому согласовать командировку прямо на завтра. Потом «заказал» в автомате двойной эспresso, дождался, пока кофе будет готов, и вышел на улицу, чтобы выпить его на свежем воздухе.

Оригинальные мысли давно не возникали в голове журналиста. С тех времен, о которых он старался не вспоминать. Тем не менее история, эпилогом которой стал переход Виктора на работу в «Необычные факты» и почти полный сознательный отказ от проблем реального мира, все равно преследовала его и напоминала о себе. Особенно по ночам, когда он маялся бессонницей и пересматривал всякую хренотень на ночных телеканалах: ничего больше не воспринималось. Правда, чем дальше в прошлое уходила эта история, тем менее остро Шамрай воспринимал все то, через что ему довелось пройти из-за собственной дурости и самоуверенности. Однако он давно уже понял простую вещь: его рана – из тех, что заживают годами или не заживают вообще.

Поймав себя на мысли, что думает о том, о чем запретил себе думать, Шамрай одним глотком допил кофе, метнул пластиковый стаканчик в урну и решительно вернулся в свой кабинет, чтобы немедленно загрузить себя чем-нибудь не слишком приятным, но полезным. Например, подобрать хотя бы пунктирную информацию о Народичском и Овручском районах.

Итак, что там у нас?.. Ага... В Народичах и округе даже до Чернобыля проживало не так уж много народу. А после апреля 1986 года осталось и того меньше – около десяти тысяч

человек. И это по официальным данным. То есть за двадцать с лишним лет численность населения района сократилась более чем вдвое. Теперь там далеко не на каждом квадратном километре встретишь живого человека.

Соседний Овручский район с центром в древнем, упомянутом чуть ли не в «Повести временных лет» Овруче, хоть географически и находился рядом, выглядел намного бодрее. Несмотря на то что оба района считались пострадавшими и в обоих проводилось отселение, Овручский сохранил значительную часть прежнего населения. У него и территория была побольше, и с работой там оказалось чуть-чуть полегче. Хотя и оттуда, и оттуда народ мало-помалу разбежался, но из Народичского района – заметно активнее.

Все это интересовало Шамрая лишь с одной точки зрения: уяснить для себя, к какой, собственно говоря, административной единице относится аномальная зона в селе Подлесном и, соответственно, к чьей администрации в случае чего обращаться за официальной поддержкой. Обычно Виктор старался избегать контактов с представителями местной власти, но в этом случае, если окажется, что речь идет не о заурядной геопатогенной зоне в заброшенном селе, а о реальных случаях исчезновения людей, контактов с государственными учреждениями не избежать. Все равно дознаются и начнут выяснять отношения, что обычно сводится к сакраментальному вопросу: «Ото навіщо було таке писати?» Поэтому следовало заранее предусмотреть все мыслимые повороты ситуации и, так сказать, нанести упреждающий удар.

В практике Шамрая был такой случай: очередной спятивший уфолог-любитель примчался в редакцию с доказательствами того, что в одном селе в Коростышевском районе якобы регулярно приземляются НЛО. Ключнув на эту туфту, Виктор на скорую руку сляпал текст, указав название населенного пункта, являющегося «базой инопланетян» на Житомирщине. А через несколько дней его телефон начали обрывать возмущенные представители Радомышльского райсовета. Оба района, как и в этом случае, были соседями. И жители Радомышля требовали немедленно опровергнуть лживую информацию: оказывается, названный уфологом населенный пункт формально подчинялся их району и никаких пришельцев там отродясь не водилось. Под давлением этих фактов редакции пришлось поместить опровержение: дескать, база НЛО располагалась в указанном месте несколько лет назад, а ныне, по сведениям редакции, облюбовала себе местечко в другом районе. В общем, примерно в таком духе.

После этого всех авторов, публиковавшихся в «Необычных фактах», попросили быть предельно аккуратными с географией. Особенно тогда, когда речь заходит не об отдаленных континентах, а о территории родного края: многочисленные опровержения рано или поздно начнут подтачивать доверие читателей. Владельцы утратят интерес к проекту, и дело пойдет к закрытию газеты. А своим стабильным материальным положением были довольны все работники редакции, включая уборщиц.

Так и не найдя в интернете однозначного ответа на свой вопрос, Виктор решил

окончательно разобраться в этом уже на месте. Хотел было попросить Тамару Томилину составить им с профессором компанию в поездке, даже набрал номер ее мобильного, но абонент находился вне зоны досягаемости сигнала.

Ну и ладно.

Все равно Тамара предупреждала, что ехать туда боится. Словно предвидела его просьбу и опередила с ответом.

Позже, оглядываясь назад, Виктор Шамрай будет удивляться: как же это он, при его-то интуиции, не почувствовал уже в тот момент, когда девушка только начала свой рассказ об аномальной зоне, что все худшее для него уже началось – после перерыва, который продлился целых четыре года...

8

– Доброе утро, – откозырял милиционер, наклоняясь к окну машины со стороны водителя. – Старший лейтенант Пузырь, отдельная рота милиции. Куда путь держим?

Профессор Горбатько, который с самого Житомира мирно спал на заднем сиденье редакционной «Шкоды» рядом с фотографом Жорой, проснулся, едва машина остановилась. Теперь он сидел, хлопал глазами и пытался понять, приехали или нет. И если приехали, то куда именно.

– Здорово, командир! Мерзнем? – Шамрай, сидевший рядом с водителем Гришей, подался к окну.

Снаружи сеялся мерзкий ноябрьский дождик, и это с самого начала не понравилось водителю: Гриша терпеть не мог передвигаться по разбитым дорогам в сырую погоду, потому что после этого приходилось мыть машину. Он был слегка поведен на чистоте своей «Шкоды», но проявлялось это несколько необычным образом: Гриша мог выдраить машину, но затем прилагал все мыслимые усилия, чтобы не делать этого как можно дольше. За перемазанный дорожной грязью резиновый коврик в салоне он был готов оторвать виновнику ноги вместе с ботинками.

– Так куда направляемся? – повторил старший лейтенант.

– А хрен его знает! – честно признался водитель.

– То есть? – оторопел офицер.

– А вот, – перехватил инициативу Шамрай, протягивая Пузырю служебное удостоверение.

Офицер внимательно прочитал его, шевеля губами, подозрительно повертел в руке. Только что на зуб не попробовал.

– Ясно. Обманщики, значит. – Он вернул корочку Виктору.

– О! Что так сразу? – удивился тот.

– А разве нет? Такого наплетете – хоть стой, хоть падай. Взять, например, эту статейку про ребенка, который уже у мамки в животе английским владеет. Теща моя вашу газетку того... Интересуется, короче.

Шамрай вышел из машины, размял занемевшие от почти часовой поездки ноги. Старший лейтенант по-прежнему стоял на месте, не проявляя особого любопытства, но и без враждебности, следил за желающими пересечь границу зоны отчуждения. Виктор не стал медлить – шагнул к Пузырю, протянул руку. Пожатие старшего лейтенанта оказалось коротким, но крепким.

– В общем, мы тут собрались, командир, немножко поработать на вашу тещу. Ищем село Подлесное. Знаете такое?

Милиционер отвел взгляд, некоторое время смотрел на деревья лесопосадки, листья на которых были уже не желтыми, а буро-серыми, потом снова пожевал губами. Виктор, предвидевший такую реакцию, вытащил из кармана куртки сложенную вчетверо карту. Тем временем из машины выбрался Гриша, тоже намереваясь принять участие в разговоре. Старший лейтенант мгновенно зафиксировал, что водитель приближается к нему со спины, и сделал шаг назад, оказавшись лицом к обоим. Этот маневр не укрылся от Шамрая.

– Как служба?

– Служба как служба, – ответил Пузырь, переводя взгляд с Виктора на водителя. – А вам, мужики, что там понадобилось?

– Значит, знаете, где это? – уцепился за его слова Шамрай.

– Приблизительно, – кивнул милиционер. – Только от этого Подлесного даже таблички на въезде уже не осталось. И спрячь свою карту, все равно там его нет.

– Так и я о том же. – Шамрай запихнул карту обратно в карман. – Кто еще и поможет, если не доблестные органы...

– Слушай, не грузи, уши пухнут, – поморщился Пузырь. – Лучше объясни, что вам там

понадобилось. Людей в Подлесном уже давно нет. Лет семь прошло, как последняя бабулька ласты склеила. А ваши друзья из одной мутной газетки, между прочим, написали: мол, в зоне отчуждения регулярно находят трупы пожилых людей! Начальство нам за это пистон вставило по самое не хочу. Люди до сих пор помнят.

Гриша хохотнул.

– Смешно, что ли? – набычился Пузырь.

– Ничего смешного, – поспешно заверил старшего лейтенанта Шамрай. – Нам трупы ни к чему, командир. Хотим просто проехаться в те места, сделать пару снимков для газеты, взглянуть, что и как. Требуется спецразрешение?

Пузырь снова пожевал губами.

– Да не надо никакого разрешения, мужики. Просто не на что там смотреть. Хаты, которые вот-вот завалятся, дорога ни к черту, все мертвое, и вообще стремно, если уж по-честному. Туда даже браконьеры не ходят.

– И что – много их? – снова встрял Гриша.

– Попадаются. Там же дичи навалом, вот дядьки с ружьями и шастают. В принципе, это запрещено. Даже не сам по себе отстрел, а охота в местах, откуда жителей выселили.

– Мародеров тоже ловите? – развил тему Шамрай.

– В Подлесном ловить некого. Там уже все, что смогли, украли. А в других селах этой публики хватает. Люди в последнее время, особенно с прошлой весны, будто сдурели: бросают дома, берут с собой только то, что могут на себе унести или в багажник «Жигуля» затолкать, и вперед, счастья искать. Дома же здесь не продать – зона гарантированного добровольного отселения, или как там ее... Тут недалеко, километров десять по прямой, – милиционер кивнул куда-то за лес, – Никита жил, трактористом работал. Ему лет пятьдесят было, или около того. Алкаш – какого лысого ему тут торчать? Ну так он за свою хату двести баксов просил. Разве ж такое бывает?

Шамрай и водитель синхронно покачали головами.

– Ну вот, а было. Один наш сержант – правда, из другой смены – не удержался: принес двести зеленую, сунул Никите. Еще и нотариуса где-то нашел, в один прием куплю-продажу оформили. А потом сержант очухался и теперь в полном шоке: сам не знает, с какого бодуна он эту хату прикупил.

– А Никита что? – поинтересовался Гриша.

– А что Никита? Двести баксов пропил, перебрался в одну из отселенных хат и там бомжевал. Это летом было, потом осень, к зиме дело пошло. Начали наши его гонять, чтоб огонь не жег. Он же как грелся: одну хату мало-помалу на дрова разбирает, в другой кострище разводит. В общем, доигрался Никита: как раз на прошлое Рождество неизвестно где самогону нашел, надрался и сгорел вместе с хатой. Вот такая история, – вздохнул Пузырь. – А ваше Подлесное уже и бомжей не интересуется.

– Так мы доедем туда или нет? – спросил Шамрай.

Пузырь снова вздохнул и в очередной раз пожевал пухлыми губами.

– Держитесь вот так. – Он указал прямо перед собой.

Потом подумал и вытащил из планшета собственную карту, армейскую километровку. Повернулся к «Шкоде», разложил карту на капоте. Шамрай и Гриша склонились над ней с двух сторон. Толстый палец старшего лейтенанта ткнул в какую-то точку.

– Мы здесь, – пояснил Пузырь. – Вот это – Народищи, туда – на Овруч. Значит, вам надо сюда. – Палец пополз по карте. – Километров двадцать по асфальту, потом поворот направо, на грунтовку. Она ничего, нормальная, пока еще не раскисла.

– Проедем? – с опаской спросил Гриша.

– Да проедешь, проедешь. Короче, дальше вам сюда. – Палец снова заскользил по карте. – Еще один поворот, на Боровое. Но вы не поворачивайте, езжайте прямо и скоро увидите такой себе съезд влево. Дорога узкая, зато ведет точно в Подлесное.

– И сколько отсюда?

– Да километров... Смотря как ехать... Может, сорок, а может, и полсотни наберется, где-то так.

Пузырь свернул карту и убрал в планшет. Взглянул на Шамрая.

– Может, все-таки скажете, что вы там забыли?

– Пусть теща газету читает, – подмигнул Шамрай. – А вот лучше скажите: мы первые Подлесное ищем или еще кто-нибудь спрашивал?

Пузырь пожал плечами, ответ прозвучал загадочно:

– Кому надо – тот сам дорогу знает.

– И кому надо?

– Езжайте уже, – отмахнулся старший лейтенант и отвернулся, направляясь к своему посту.

– Погодите, еще минутку! – Виктор устремился за ним.

Пузырь остановился, всем своим видом показывая, как его утомили всякие бездельники.

– Ну?

– Всего один вопрос... Вы ведь давно на этом участке работаете?

– Давно, – ограничился кратким ответом милиционер.

– А не слышали – люди там и в самом деле пропадали? Никто в розыск не подавал?

– Что значит – «пропадали»? – Пузырь снова подозрительно уставился на Шамрая. – Куда это они пропадали?

– Никуда. Ну, допустим, поехал человек в том направлении – и не вернулся.

– Люди повсюду исчезают, – философски заметил Пузырь. – Каждый день кто-то кого-то разыскивает. И редко находит. Если ищите конкретного человека – так и скажите. Только не надо выдумывать всякую чепуху...

– Да никого мы не ищем! – поспешно воскликнул Шамрай. – У нас все на месте, слава богу. Это я так, к разговору...

– Вот и не надо этих дурных разговоров! – отрезал милиционер. – Езжайте уже по своим делам. Сочиняйте очередную фигню.

За спиной у Шамрая квакнул клаксон: Гриша торопил – в самом деле, пора ехать.

9

Ясное дело: они заблудились.

Ненадолго и не то чтобы окончательно – просто сбились с дороги. Или водитель проспал очередной поворот, или свернул не туда, или объяснения старшего лейтенанта Пузыря были поняты неверно – так или иначе, но пришлось малость покататься по разбитым

мокрым проселкам. Гриша, конечно же, перемазал машину по самую крышу и теперь клял все и всех подряд. Шамрая беспокоило другое: в тот момент он уже не мог точно определить, где они находятся – в Народичском районе или все-таки в Овручском.

В конце концов он перестал ломать голову и решил все списать на собственный топографический кретинизм. А заодно и на аномальные свойства местности: дескать, сама эта проклятая территория сбивает путника с толку.

Наконец впереди замаячила серая покосившаяся хата, и Гриша выкрикнул:

– Да вот же оно! Только если мы, Витя, и на этот раз не туда заехали, пошло оно все на фиг! И ты с ним заодно!

– Ты это к чему?

– А к тому, блин! Все равно здесь нигде ничего не написано – Подлесное это или нет. И спросить не у кого. Село явно конченное, люди здесь точно уже лет десять как не живут. Работайте здесь.

Будто подтверждая его слова, машина тут же остановилась.

Двигатель работал, но, сколько Гриша ни газовал, «Шкода» и не думала трогаться с места, словно приклеенная к земле. Заглушив мотор, Гриша, матерясь, выбрался на свежий влажный воздух, наклонился, заглянул под днище и снова выругался.

Шамрай, а вслед за ним и фотограф Жора тоже вышли из машины – взглянуть, что случилось. Ничего особенного и сверхъестественного: оба передних колеса засели в неглубокой, но цепкой канаве, наполненной мутной водой, перемешанной с грязью. Ехали они небыстро и влететь с разгона в эту не смертельную, однако малоприятную ловушку не могли. Но если бы Гриша, наоборот, гнал на полную, это препятствие они наверняка смогли бы проскочить с ходу.

Водитель в сердцах пнул ногой колесо.

– Толкать придется, тракторов тут не водится. – Он сплюнул под ноги.

– Толкнем, не переживай, – успокоил его Шамрай. – Ночевать тут не будем. Час, от силы полтора – и вперед, на Житомир. Выберешься отсюда?

Водитель не ответил. Отступил на шаг, критически оглядел машину.

– Так что, поедem когда-нибудь, капитан? – снова спросил Виктор.

– Ага, разъездишься с такими дорогами, – огрызнулся, ни к кому конкретно не обращаясь, Гриша, после чего полез под сиденье, вытащил большую чистую тряпку и, оторвав лоскут, принялся яростно драить капот, стирая грязные брызги.

Тем временем фотограф, осторожно ступая и стараясь не увязнуть в грязи по щиколотку, прошел немного вперед. Остановился, оглянулся.

– Виктор!

– Ну?

– Не такое уж это и глухое место. На карте его нет, а все равно люди здесь бывают. Смотри сюда!

Шамрай, которому не требовались особые предосторожности, потому что он предусмотрительно надел для этой вылазки камуфляжные армейские штаны и берцы, подошел к Жоре и увидел собственными глазами: здесь в самом деле кто-то побывал. Эти люди приехали в Подлесное на автомобиле с гораздо более высокой проходимостью, чем у редакционной легковушки.

– Джип, – уверенно определил он. – Причем катались они тут не так уж давно.

– А ну-ка, следопыты, дайте глянуть. – Гриша присоединился к ним, присмотрелся к следам протекторов. – Правильно, тут только на джипах и ездить. Тяжелый внедорожник – видите, как почва просела. Да только давненько дело было. Неделю назад, если не две.

– Из чего мы делаем вывод: тот, кому надо, в отселенную зону все равно наведывается. Вот только кому и что тут требуется – совсем другой вопрос. С этим – не ко мне, – подвел Шамрай первые итоги, обернулся и крикнул Горбатько: – Иванович, вылезайте! Дальше – ножками, наука требует жертв!..

Профессор, кряхтя, выбрался с насиженного места, прихватив свою сумку, зябко повел плечами, ссутулился и засунул руки в карманы куртки.

– Какая-то тут погода, товарищи... – Он огляделся вокруг. – По-особому влажная, что ли. И вообще, у меня насчет этого места дурные предчувствия.

– Сейчас все выясним, Иванович. Вперед, вперед! – поторопил Виктор и первым двинулся к селу.

Профессор Горбатько был ученым с богатым экспедиционным опытом – он тоже не забыл надеть соответствующую обувь, которую сам именовал «внедорожной». На фоне него и Шамрая фотограф в своих кроссовках и куцей кожанке выглядел зеленым салагой. Гриша

остался у машины, заявив, что ему и одного аномального приключения на сегодня хватит. Однако сообразив, что приводить в порядок машину в такой обстановке – напрасный труд, он забрался в салон, закрылся изнутри и попытался включить радио. Но уже после третьей попытки шустро выскочил из салона и зайцем попрыгал вслед за своими пассажирами.

– Э, народ! Витька, блин! Подождите!

Троица, которая уже поравнялась с первой хатой, остановилась. Мужчины оглянулись. Гриша допрыгал до них и выкрикнул, словно сообщая страшную тайну:

– Тут радио вообще ни черта не берет! Молчит, зараза!

Шамрай вынул из кармана мобильник, взглянул на дисплей, нажал несколько кнопок и прищелкнул языком:

– Телефон тоже не работает. И тачка твоя засела.

Остальные, в том числе и Гриша, проверили свои телефоны. Ни один не работал, везде высвечивалось одно и то же: «Покрытие отсутствует».

– Валить надо отсюда, – буркнул водитель. – Давайте лучше прямо сейчас машину из канавы вытолкаем. А то как засядет...

– Не паникуй! – Бесконечное нытье водителя снова начало раздражать Виктора. – Нас тут четверо взрослых мужиков. Вытолкнем, не проблема. Тем более что это в наших же интересах. Идем лучше с нами, а то если будешь сидеть один в салоне – бабай украдет. Недаром же говорят, что здесь люди исчезают...

– «Бабай»! – передразнил Гриша. – Очень смешно, нечего сказать.

И тем не менее поплелся за остальными.

Четверо мужчин вступили в аномальную зону.

10

Правда, ничего такого уж аномального вокруг пока не наблюдалось.

Дождь тем временем постепенно прекратился, даже солнце выглянуло. Не яркое, каким оно бывает в хорошую погоду, а холодное, равнодушное ко всему, ноябрьское. И его свет лишь подчеркнул общую угрюмую картину, открывшуюся их глазам.

Село Подлесное – а это, скорее всего, было именно оно – лежало в небольшой низине и напоминало островок, зажатый между лесами. Возможно, в лучшие времена здесь даже существовало транспортное сообщение. Даже точно существовало: населенный пункт был не настолько велик, чтобы иметь собственную школу, но и не так мал, чтобы тут не было жителей с детьми дошкольного и школьного возраста. По крайней мере, в советские времена, когда сельские жители еще не имели возможности свободно переселяться, покидая свои усадьбы, все это наверняка было предусмотрено. Та же Тома Томилина говорила, что должна была родиться в Подлесном, значит, тут должен был иметь место хотя бы фельдшерский пункт.

Посему, прикинул Шамрай, теоретически ситуация могла выглядеть следующим образом: это село было территориально подчинено сельсовету другого села, соседнего. Он сверился с картой – верно, вот оно, Балашевичи. Заблудившись, они миновали его, там даже скособоженный и проржавевший указатель сохранился. Балашевичи тоже отселены, но от них до Подлесного примерно километров десять. Кружили они, понятное дело, дольше, так как за два десятилетия дороги, не используемые по назначению, просто исчезли. Правда, Балашевичи тоже расположены практически на границе районов. И люди, селившиеся в Подлесном, не виноваты в том, что формально их следовало приписать к какой-то территории. А уж каким был местный почтовый адрес, спустя двадцать лет наверняка никто уже не помнит.

Задумчиво почесав переносицу, Шамрай вернул карту в карман. Надежды на нее было мало.

Складывалось впечатление, что все Подлесное состоит из одной длинной, километра в три, улицы. По обе стороны от нее стояли когда-то опрятные и веселые, а теперь – полуразрушенные, заброшенные, мертвые дома. На крыше одного из них Виктор заметил наклонившуюся под углом тридцать градусов допотопную телевизионную антенну. Заметил ее не только он.

– Здесь, между прочим, телевизор смотрели, – произнес у него за спиной фотограф Жора. – Значит, была все-таки цивилизация. Я только одного не пойму: почему антенна всего на одном доме?

– По той же причине, по какой нет ни одного целого стекла в окнах. И табличек с названием улицы, – откликнулся Гриша. – И в домах ничего путного не найти. Было время, когда сборщики металлолома в таких местах все на фиг подчищали. Антенны же металлические. Да и проводов на столбах тоже нет, заметил?

И в самом деле, столбы электролинии торчали вдоль улицы совершенно голые.

Виктор попытался представить, как тут когда-то жили люди. Как они ходили по этой

дороге, как играли свадьбы, катая здесь сватов в тачке. Как провожали по ней же в последний путь умерших. Сразу стрельнуло: где-то здесь должно быть и кладбище. Зброшенное кладбище в покинутом селе – любимое место действия для авторов жутких историй.

По спине невольно пробежал холодок.

Чтобы не стоять и не накручивать себя, Шамрай неторопливо двинулся дальше. Профессор Горбатько потащился за ним, втянув голову в плечи. Жора уже настроил фотоаппарат и теперь щелкал все подряд, выискивая самые мрачные кадры. Ему ли не знать, чем положено иллюстрировать подобные статьи! Гриша просто вертел башкой во все стороны.

– Мужики, тут, похоже, даже вороны не летают, – наконец поделился он еще одним наблюдением.

– Зато машины все-таки ездят, – заметил Горбатько. – А в такие места просто так не заедешь, я правильно понимаю?

– Точно, – отозвался Гриша. – Я бы сюда снова ни за что не поперся.

– Да уж, местечко не очень приятное, – согласился профессор. – И аура тут паршивая, я уже чувствую. Почему – не могу объяснить, а просто чувствую.

Переговариваясь, мужчины прошли по центральной улице брошенного села и вышли к месту, которое когда-то, видимо, считалось местным центром. Напоминало оно небольшую площадь в форме неправильного овала, которую и пересекала главная, она же единственная, улица. Взглянув налево, Гриша не удержался и хохотнул. Все тут же повернулись в эту сторону. Водитель смеялся, уставившись на небольшой пустующий постамент, позади которого торчало одноэтажное здание, смахивающее на контору или сельсовет.

– Тут бюст Ленина был, зуб даю! – веселился Гриша. – А уж потом ему и ноги приделали. Бронзовый, надо думать, вот его и скоммуниздили...

– А тебя-то с чего колбасит, что-то я никак не пойму? – раздраженно спросил Шамрай.

– А потому что я в лихие девяностые знаешь сколько такого говна сдал вот этими вот самыми? – Водитель выставил перед собой руки. – Чего уставился? Ты тогда еще пацаном был малолетним, кота «дядей» называл, а у меня, блин, жена молодая, дите на руках, сам я после армии, а работы в Житомире – во! – На сей раз он умудрился скрутить одновременно обеими руками по здоровенной дуле. – Отрихтовали мы с зятем старенький «рафик», повыдрали оттуда все сиденья – и вперед, за орденами! Полтора

года по всем районам металл собирали. Скидывали его на частных пунктах приемки, а дальше умные люди гнали медь, алюминий и прочий лом через Питер в Прибалтику. Зятю тогда мало показалось, решил он в этот бизнес серьезно зайти, сам начал возить...

Гриша внезапно умолк, сплюнул и повернулся к постаменту спиной.

– И? – спросил Жора.

– Перехватили на трассе за Харьковом. Груз забрали, а зять в драку полез – вот и пристрелили его. – Гриша махнул рукой. – Я после этого с металлом завязал, в челноки подался.

Его веселье внезапно сменилось депрессией.

Профессор Горбатько, заметив это, вдруг насторожился и стал похож на охотничью собаку, которая взяла лисий след.

– Голова не болит? – деловито осведомился он.

– У меня? – Водитель для верности ткнул себя пальцем в грудь.

– У меня болит, – подал голос Жора. – И на душе какая-то гадость.

– А как болит? – уточнил Горбатько. – Просто или еще и в висках стучит?

– Стучит. – Повесив камеру на шею, Жора принялся массировать виски указательными пальцами.

– Мне тут тоже паршиво, – сообщил Гриша. – Поехали отсюда, мужики.

Шамрай тем временем осматривался. Справа от постамента и конторы, на противоположной стороне площади стояло пустое строение из силикатного кирпича, в котором даже тот, кто никогда не бывал в сельской местности, легко мог бы опознать бывший магазин.

– Интересно, а где у них танцы были? – задумчиво проговорил Гриша.

– А тебе какая разница? – равнодушно обронил Виктор. – Теперь мы этого никогда не узнаем.

– Смотрите-ка, а ведь дальше площади машины не заезжали! – подал голос профессор, указывая на следы шин. – Останавливались где-то здесь, у постамента, разворачивались – и обратно. Виктор, мне уже можно работать? Сдается мне, что мы на месте.

– Даже нужно, – согласился Шамрай. – Да вам и виднее. Я в этих ваших тектонических разломах и прочих сетях Хартмана[6 - Сеть Хартмана – якобы существующая на Земле геобиологическая сеть. Согласно гипотезе, выдвинутой немецким ученым Хартманом, эта сеть опутывает практически всю поверхность планеты. Места пересечения линий сети – «узлы» – образуют неблагоприятные для здоровья геопатогенные зоны, которые, как утверждают сторонники этой гипотезы, можно обнаружить биолокационным методом.] не разбираюсь.

– Я тоже, – неизвестно к чему вставил Жора. – Чего нельзя сфотографировать, того вообще не существует.

– Авторы вашей газеты, даже такие видные, как вы, Виктор, всегда гордились собственным невежеством во всем, что касается серьезной науки, – констатировал профессор Горбатько.

Шамрай пропустил эту шпильку мимо ушей. С Максимом Ивановичем он имел дело уже почти два года, тот сам искал контактов и плацдарм для изложения своих завиральных теорий. Это, однако, не мешало ему регулярно делать всем замечания, давать советы, а при случае раздражаться занудными лекциями различной продолжительности.

Профессор прошел вперед еще метров пять, остановился и замер, словно пытаясь ощутить нечто такое, чего не ощущали и не слышали все остальные. Потом он расстегнул сумку и извлек из нее собственноручно сконструированный прибор, основой которого служила рамка из толстой медной проволоки. Виктор, не раз видевший аппарат в действии, называл его «адской машинкой». Он представлял собой герметически закупоренную коробочку с вмонтированным в нее датчиком неизвестно чего. Работало устройство на обычных батарейках.

Вставив медную рамку в специальные пазы, Горбатько покрутил верньер, приводя прибор в рабочее состояние, а затем повернулся к остальным:

– Сейчас никто ко мне не подходит, ясно?

– Работайте, Иванович, работайте, – отмахнулся Шамрай.

Затем Горбатько с головой погрузился в процесс биогеолокации. Сперва он провел ладонью над рамкой. Затем – под ней. Постоял некоторое время, покачал головой, после чего медленно, приставными шагами, начал продвигаться вперед, держа прибор с рамкой прямо перед собой. Жора щелкнул фотоаппаратом. Виктор не отрывал взгляда от профессора.

Сделав с десяток шагов, Горбатько замер. Потом продвинулся еще на несколько

сантиметров – и снова остановился. Попятился, поколдовал над «адской машинкой», повернул вправо и медленно двинулся в сторону бывшего сельмага. Дальше он уже двигался почти без остановки, а добравшись до здания, развернулся на сто восемьдесят градусов и принялся утешить противоположную сторону площади, постепенно подбираясь к пустующему постаменту. Наконец он остановился и кивком подозвал Виктора и Жору.

– Смотрите! – проговорил он, когда оба приблизились. – Вы когда-нибудь видели такое?

На этот раз они втроем повторили маршрут профессора, двигаясь с ним шаг в шаг. Сначала вроде бы ничего не происходило, а потом рамка начала дергаться, еще шаг – и она начала вращаться вокруг собственной оси, словно под действием посторонней силы. То же самое повторилось, когда вся троица подалась к сельмагу. И аналогично – рядом с пустым постаментом.

– Ну? Вы видели? – Глаза профессора неистово засверкали. – Земное излучение в этом месте невероятно мощное. Я бы предположил, что мы с вами, товарищи, сейчас стоим на самом краю гигантской трещины в земной коре. Вот как она проходит! – Горбатько изобразил рукой какую-то ломаную линию. – Фактически, Виктор, все, что находится вдоль краев этого разлома, вполне может считаться аномальной зоной. Все еще болит голова, Георгий?

– Угу. – Фотограф снова потер виски. – А если честно, не так болит, как кружится. Я сейчас будто слегка на поддаче. Граммов сто, не больше.

– Со мной, во всяком случае, все в порядке. – Шамрай пожал плечами. – Не знаю... А вот на душе как-то беспокойно, правда. Да тут мало кто спокойным бы остался...

– У этого места тяжелая энергетика! – категорически заявил профессор. – И не только там, где мы сейчас стоим. – Для большей убедительности он даже притопнул ногой. – Вообще-то у меня такое впечатление, что большая часть этого населенного пункта расположена в узлах геопатогенных зон. Сеть Хартмана здесь, если можно так выразиться, несколько плотнее, чем где-либо еще. Одним словом, каждый из нас ощущает наличие аномалии по-своему.

Виктора Шамрая в бывшем селе Подлесном больше ничего не удерживало.

– Эта девушка, Тамара... Она говорит, что тут вроде бы люди пропадают, из бывших местных, – обмолвился он. – Словно что-то их сюда зовет, какая-то тяга...

– Про зов или тягу ничего сказать не могу... – Профессор провел по лицу ладонью, зачем-то взглянул на нее, а затем повернулся к Виктору. – Видишь – пот. Меня здесь в жар бросает... Ну вот... А про тягу не могу сказать, не знаю. Но ни секунды не сомневаюсь:

люди, которые здесь долго жили, и даже те, которые здесь только родились, должны страдать различными патологиями. У кого-то проблемы с желудком, кто-то сердцем мается, у кого-то онкология. А может статься, что и... – Горбатько выразительно повертел указательным пальцем у виска.

– То есть, – переспросил Шамрай, – по вашему мнению, каждый, кто имел хоть какое-то отношение к Подлесному, рано или поздно может спятить?

– А почему бы и нет? Я бы даже назвал это место таким себе пересечением миров, – с полной серьезностью ответил профессор. – По сути, Чернобыль стал для здешних жителей спасением. И знаете почему? Потому что все они были вынуждены эвакуироваться отсюда, из аномальной зоны, которая с некоторых пор стала еще более опасной для жизни и здоровья. Хотя тут есть что изучать, прямо настоящий Клондайк для исследователей параллельной реальности.

На этом Горбатько принялся паковать прибор в сумку.

Жора, в свою очередь, загрузил свою аппаратуру в кофр.

Шамрай с чувством исполненного долга повернулся, чтобы сообщить водителю: все, уже можем ехать.

Однако Гриши нигде не было.

На какое-то мгновение Виктор онемел. Только что, всего пару минут назад, водитель стоял возле них со своим обычным недовольным видом. А теперь будто сквозь землю провалился. Исчез. Словно угодил в один из недоступных людскому оку тектонических разломов земной коры.

Вокруг было совершенно тихо, даже знобящий ноябрьский ветерок улегся. Солнце тоже спряталось за тучами. Внезапно стало серо и хмуро. От тишины звенело в ушах.

Шамраю показалось, что никто из его спутников не заметил исчезновения водителя. Круто повернувшись к профессору и фотографу, он на какое-то мгновение представил, что и их тоже нет, что рядом с ним ни души. Но нет – вот они стоят, будто соткались из влажного воздуха: Жора застегивает кофр, Максим Иванович поправляет на плече ремень сумки.

– Где Гриша? – наконец выдавил из себя Виктор и, не дождавшись ответа, гаркнул во всю силу легких, потому что неожиданно почувствовал именно такое желание – громко закричать после секундного онемения: – Гриша! Гриша! ГРИША!!!

Среди заброшенных построек прокатилось эхо. А через мгновение, показавшееся ему бесконечно долгим, в ответ послышалось:

– Ну и чего бы это я орал?

Фигура водителя возникла в черном дверном проеме ближайшей хаты. Гриша на ходу застегивал штаны.

– Ну ты даешь! – с неописуемым облегчением выдохнул Шамрай.

– Что я даю? – с недоумением спросил водитель, одергивая куртку. – Живот скрутило, а вроде ж ничего подозрительного и не ел... Может, аномалия ваша подействовала?.. Кстати, мужики, люди тут все-таки побывали, причем недавно. Я там, – он кивнул в сторону хаты, – в углу газетку видел местную, житомирскую. Хоть и скомканная, а заголовком кверху лежала: про парламентский кризис пишут. А рядом две пустые бутылки валяются – «Житомирська на бруньках».

– Ты что думаешь – сюда на джипах побухать приезжают? – поинтересовался Жора. – Больше нигде? И головка у них не болит? Аномальная зона, как-никак...

– И штын там какой-то... Не знаю, как и сказать... Будто разрытая могила.

– Надо полагать, не ты один туда по нужде бегал, – констатировал фотограф.

– Да нет, там что-то другое...

Шамрай взглянул на часы.

– Погнали домой. Нам еще машину выталкивать.

11

Встретились они в маленьком кафе неподалеку от Соборной площади.

Шамрай пришел раньше, заказал капучино, а когда заказанное принесли, долго болтал ложечкой в чашке, пытаясь разогнать ароматную пенку.

Он никак не мог объяснить себе, почему уже второй день подряд после возвращения из Богом и людьми забытого Подлесного на душе у него лежит тяжеленный камень. Ночью он плохо спал – впервые за много лет после тех событий, которые остались позади и о которых он упорно не желал вспоминать. В те времена он не спал по несколько суток подряд, в качестве снотворного глушил водку, от которой сон пропадал окончательно, превращаясь в какие-то временные провалы в памяти. Дело чуть не дошло до принудительной госпитализации – как раз туда, в Заречаны, куда так боялась попасть

Тамара Томилина со своими фантазиями. Но обошлось: врачи решили повременить с крайними мерами, приняли во внимание особую ситуацию пациента, вкололи лошадиную дозу какой-то дряни, после чего Виктор проспал больше суток. А когда очухался, мать, которая все время сидела рядом с ним, вколола еще дозу: так велели медики.

На этих уколах Шамрай продержался три дня, после чего родители отвезли его на полгода в село, куда перебрались после смерти бабушки, оставив сыну городскую квартиру.

Окончательно он выздоровел там, в тишине, на свежем воздухе. Потом пришлось начинать жить заново, фактически с нуля. И началом этой новой жизни стал полный отказ от алкоголя, даже от пива, и... «Необычные факты».

Все, хватит об этом!

Шамрай закрыл глаза, спрятал лицо в ладонях, а когда открыл – увидел Тамару. Девушка выходила из серебристого «Пежо», не совсем нового, но вполне пристойного. Причем с водительского места. Следовательно, приехала на своей.

Это почему-то озадачило Виктора. Судя по виду его новой знакомой, никак нельзя было предположить, что она раскатывает по Житомиру на собственном и далеко не дешевом авто.

– Привет! – Томилина опустила на стул напротив и улыбнулась.

Улыбка вышла несколько натянутой. Да и сама Тамара держалась довольно напряженно, выглядела взволнованной и даже, как показалось Виктору, слегка испуганной. Однако старалась держать себя в руках, что тоже было заметно.

– Привет, – ответил он. – Я тут хлебаю помаленьку...

– Хочу чаю, – сказала Тамара, поискала глазами официантку, сделала ей знак, а когда та подошла, даже не попросила, а распорядилась, не глядя в меню: – Фруктовый чай. Все равно какой. И с лимоном. побыстрее, если можно!

Официантка ушла. Поняв, что ее барский тон можно истолковать по-разному, Тамара пояснила с извиняющейся интонацией:

– Замерзла... Не люблю ноябрь. Осень и зима вообще не мое время года. И голова почему-то раскалывается...

Виктор хотел было спросить, когда же это она успела замерзнуть, если только что вышла из машины, где наверняка работает печка. Но девушка опередила его:

– Это, наверно, что-то нервное. Всю трясет в последнее время. Руки сводит, какая-то дрожь... Бр-р-р! – Она зябко повела плечами и сразу же сменила тему: – Так вы, значит, побывали в Подлесном? Что, не обманула я вас?

Шамрай сделал глоток. Капучино почти остыл. Тамара тем временем закурила.

– Да, съездили мы туда, – ответил он.

– И как вам это зрелище?

– Все прочтаете на следующей неделе в нашей газете. А если в двух словах – там и в самом деле что-то похожее на аномальную зону. Во всяком случае, приборы показывают наличие каких-то аномалий в самом центре села.

Принесли чай. Тамара положила сигарету на край пепельницы, обхватила ладонями горячую чашку, на мгновение прикрыла глаза. Потом открыла снова и взглянула на Виктора, слегка склонив голову набок.

– Вы говорите о вещах, которые я даже представить не могу. В этом чертовом Подлесном папа с мамой меня сделали, но я там ни разу в жизни не бывала. И не знаю, где там центр, а где – околица.

– Судя по тому, что мне известно о местах с плохой энергетикой, могу сказать: известны случаи, когда эта негативная энергия продолжала оказывать воздействие на людей даже после того, как они покидали опасное место. Это как инфекция, понимаете? Или, если угодно, фатум, рок...

– Вы имели в виду – проклятие? – подхватила Тамара.

– Ничего подобного я не говорил. Проклятые места – это из фильмов ужасов.

– Не только, – уверенно гнула свою линию Тамара. – И вы только что это косвенно подтвердили. Село Подлесное, моя родина, которую я никогда не видела, – типичное проклятое место. До тех пор, пока там жили люди, оно питалось их энергией. А теперь оно требует, чтобы люди вернулись. Подлесное хочет жертв, понимаете?

Шамрай мог бы поклясться: даже сейчас Томилина была в здравом уме. Возможно, для кого-то это не аргумент, но она водит машину. А психически неуравновешенным людям прав не дают. Тем не менее она говорила вещи, которые с трудом укладывались в голове.

– Значит, так, – деловито проговорил Виктор. – Я действительно вчера съездил в Подлесное и на себе прочувствовал: что-то там не так. Энергетика, не энергетика, но, если смотреть на вещи трезво, что-то подобное всегда ощущается в местах, где давно не

живут люди. Зайдите, к примеру, в какой-нибудь полуразрушенный дом на Корбутовке – таких там полно. И пусть вокруг ходят люди и ездят машины, а прямо напротив, через дорогу, подмигивает огоньками зал игровых автоматов или современный супермаркет – все равно заброшенное строение покажется вам местом, где время остановилось и обитают только призраки. Конечно, спасибо вам за информацию – теперь мы знаем, где в области находится еще одна аномальная зона... Но, знаете, я действительно до сих пор чувствую себя как-то... неуютно.

– О! – перебила его восклицанием девушка. – Все, можете даже не продолжать. Остальное – последствия. Если туда больше не ездить, у вас это наверняка пройдет. Потому что вы с этим чертовым Подлесным совершенно ничем не связаны. Но ведь я говорила вам, что знаю о людях, которые пропадали в этой аномальной зоне!

– Совсем, что ли? – уточнил Шамрай. – Вы ведь в прошлый раз об этом так толком ничего и не рассказали...

– Кое-кто и совсем. – Тамара пожала плечами, отпила чаю, затянулась сигаретой. – Этих я сама не видела: они же исчезли. Все это я слышала от тех, чьи знакомые на какое-то время исчезали, а потом неведомо откуда снова появлялись. И каждый из этих бедняг после этого терял кусок памяти. Как в старом кино: здесь помню, здесь не помню.

– Вы можете назвать имя хоть одного такого человека?

– Зачем? – Тамара снова пожала плечами. – Все равно никого не найдете. Их по-быстрому вывезли подальше. Я, если честно, тоже к этим слухам с юмором относилась – вот как вы сейчас...

– При чем тут юмор? Не вижу ничего смешного... – попробовал оправдаться Шамрай.

– Ну я же вижу, – снова перебила его Томилина. – Я еще когда впервые к вам пришла, все разглядела. Вы на меня смотрели как на слабоумную. Но в Подлесное все же поехали – это ваша работа, ваш журналистский хлеб. Убедились, что там не все чисто, энергетика паршивая. Следовательно, хотя бы наполовину я была права. Верно?

Аргументы девушки выглядели железными. Не принять их Шамрай не мог: именно так все и происходило. Поэтому он только молча кивнул.

– Вот видите? – В глазах девушки блеснул огонек торжества. – И теперь вы вряд ли станете так категорично отрицать то, что я, или такие как я, могут ощущать остаточное влияние этой негативной энергетики. У каждого это проявляется по-разному. Буду говорить только о себе, бог с ними, с остальными.

Томилина отодвинула чашку, наклонилась к Шамраю, навалившись грудью на край стола,

и их лица оказались совсем близко. Тамара понизила голос до шепота, который показался Виктору чуть ли не зловещим:

– Меня и сейчас зовет Подлесное, понимаете? Когда это происходило с кем-то другим, я только посмеивалась. И совсем по чистой случайности узнала о связи между тем, что происходит вот здесь, – она быстро провела кончиком безымянного пальца по лбу, – и негативной энергетикой места, где я прожила больше восьми месяцев в утробе матери.

– Но что значит – «зовет»? – Шамрай тоже невольно понизил голос.

– Мне трудно это объяснить. Зато благодаря вам я поняла, что эти мои ощущения вполне могут быть реальными. Но как с этим бороться – пока не знаю.

Тамара выпрямилась, взяла двумя пальцами тлевшую в пепельнице сигарету, подняла ее на уровень глаз, взглянула на собеседника сквозь дымок и осторожно вернула окурок на место.

– Теперь я знаю, что с этим делать и в каком направлении двигаться дальше, – проговорила она.

– Ну и в каком? – спросил Шамрай.

– Есть одна бабка, живет где-то под Коростышевом. Съезжу к ней, посоветуюсь. Говорят, она в таких вещах разбирается. Спасибо вам за все, что вы для меня сделали.

Девушка поднялась, незаметным движением вынула кошелек, выложила на столик купюру.

– Перестаньте, я заплачу! – Виктор поспешно полез за деньгами.

– Там достаточно. Благодарю вас за все еще раз.

– Но ведь я ничего не сделал!

– Вы просто не знаете, как много на самом деле сделали и как много это значило для меня! – загадочно возразила Тамара Томилина. – Вы взяли на себя труд выяснить главное: у моих страхов есть реальная основа. Ну а дальше я уже сама. Удачи вам!

Она торопливо вышла из кафе. Виктор проводил взглядом серебристый «Пежо».

Репортаж из аномальной зоны вышел, как и планировалось, через неделю.

Ноябрь уже полностью вступил в свои права. По ночам даже случались небольшие заморозки. С недавних пор Виктор Шамрай почему-то стал особенно чувствительным к переменам погоды, поэтому в пятницу, на следующий день после выхода очередного номера «Необычных фактов», проснулся с головной болью и заложенным носом. Позвонил секретарше редакции и сообщил, что прихворнул и сегодня останется дома, а попутно, и уже не первый раз в этом году, сделал замечание зеркалу: дескать, тебе всего тридцать, а ты, брат, уже сущая развалина.

Правда, после событий, о которых по-прежнему не хотелось вспоминать, Виктор выглядел как минимум лет на пять старше своего возраста. Старила ранняя седина, довольно щедро подморозившая его темные волосы, в особенности на висках.

Он прихлебывал чай с калиной, глядя в окно на голые скелеты деревьев, когда подал голос мобильник. Высветился незнакомый номер. Отвечать не хотелось, но, следуя привычному автоматизму, который опередил желание вообще отключить телефон, Шамрай нажал «Принять» и произнес:

– Слушаю!

– Это Виктор Шамрай? – Голос был совершенно незнакомый.

– Да, я. Э-э...

– Вы сейчас где, собственно, находитесь? В редакции сказали, что вы дома, болеете.

– Не соврали.

– Оставайтесь на месте, пожалуйста. Минут через двадцать я за вами заеду.

– То есть?..

Незнакомец отключился.

Звонок в дверь раздался даже раньше, чем через двадцать минут. Шамрай открыл. На пороге стоял мужчина лет сорока, подстриженный на казенный манер и со сломанным носом, который сразу бросался в глаза.

– Капитан Бражник, уголовный розыск. – Визитер с ходу предъявил удостоверение, чтобы сразу снять все возможные вопросы и одновременно породить новые, другого сорта.

Не ожидая приглашения, капитан со сломанным носом вступил в прихожую и аккуратно

прикрыл за собой дверь.

– Это вы Виктор Шамрай?

– Допустим...

– Покажите документ, удостоверяющий личность. Желательно паспорт.

Виктор, по-прежнему недоумевая, достал из ящика стола паспорт и протянул гостю. Бражник пролистал страницы и постучал корешком документа по ладони, не спеша возвращать владельцу.

– Тут такое дело... Мне необходимо опросить вас насчет ваших отношений с гражданкой Томилиной Тамарой Григорьевной. Знаете такую?

– Знаю. Трижды общались по телефону, дважды встречались лично.

– Угу. – Бражник прошелся по комнате, аккуратно, даже подчеркнуто аккуратно положил паспорт на книжную полку. Затем достал из внутреннего кармана куртки сложенную газету и развернул. «Необычные факты», страница с биографией Тамары и собственным репортажем Виктора из аномальной зоны. – Вы это писали?

– Я. Что-то не так?

– Похоже, что не так, – согласился Бражник. – Номер вышел вчера. Со вчерашнего дня гражданку Томилину никто не видел.

Шамрай помолчал, переваривая информацию.

– А я тут при чем?

– Не знаю, – признался Бражник. – Именно это я и хотел бы выяснить. В последнее время Томила практически не выходила из дому. Вы когда с ней виделись?

– На прошлой неделе... Даже не помню точно, в какой день. Мы ведь не близкие знакомые, понимаете? У меня по работе таких знакомых...

– Вы это уже говорили, – жестом остановил его Бражник. – Тут вот что: похоже, что вы последний, с кем она общалась лично. До позавчерашнего дня с гражданкой Томилиной была только телефонная связь. Вчера вышло вот это. – Он кивнул на газету. – Но, по нашим данным, Томила куда-то исчезла еще позавчера вечером. Дома ее нет. В квартире разгром – будто она куда-то спешно собиралась. Машины на стоянке нет. Собственно говоря, – Бражник откашлялся, – охранник стоянки засвидетельствовал:

позавчера Томилина около восемнадцати ноль-ноль села в машину и выехала со стоянки. При себе у нее была только небольшая дорожная сумка. И она очень спешила.

– Все это очень интересно, но какое отношение имею я к отъезду Томилиной?

– Сказано же вам – не знаю. Пока еще никто ничего не знает. Вчера ее разыскивали целый день. Потом кто-то заметил эту вашу писанину в газете. Вы признаете, что были знакомы с Томилиной. Можете что-нибудь пояснить по этому поводу?

– А с какой радости я должен вам что-то пояснять? – возмутился Шамрай. – Вы врываетесь ко мне, демонстрируете газету, делаете какие-то мутные намеки...

– Да не врывался я никуда. – Бражник держался спокойно, даже несколько отстраненно. – Вы сами меня впустили. И не обвиняют вас ни в чем. Пока, по крайней мере...

– Пока? А в чем, собственно, меня можно обвинить?

– Это дело прокуратуры. Мы работаем со свидетелями. – Последовала пауза. – Или с подозреваемыми.

– Свидетелями чего? – все сильнее распалялся Шамрай. – Подозреваемыми в чем?

– Тут такое дело. – Бражник потер подбородок. – Тамара Томилина у нас на подписке.

– На подписке?

– Да, – кивнул капитан. – О невыезде. Она проходит свидетелем по убийственному делу. У нее подписка, а она исчезла. Нехорошо. А тут еще и ваша писанина... Поехали, Виктор Максимович, там следователь ждет.

«Смотри-ка, даже отчество запомнил», – машинально отметил Шамрай.

Все остальное дошло до него позже.

13

Следователем, к которому доставил Виктора капитан Бражник, оказалась утомленная некрасивая женщина в очках.

На вид ей было лет сорок. Звали ее Кира Антоновна Березовская.

Бражник остался в кабинете, пристроился в углу на новехоньком стуле. В целом

помещение прокуратуры, в котором Виктор даже по причине обстоятельств, о которых не хотелось вспоминать, никогда не бывал, совершенно не соответствовало его представлению о казенных учреждениях. Тут было даже по-своему уютно, повсюду еще виднелись следы недавнего ремонта, частью которого, очевидно, была и новая офисная мебель.

Без всяких предисловий, ничего не поясняя, Березовская придвинула к Шамраю чистый лист бумаги, растолковала, что он должен написать, и следователь с опером принялись терпеливо ждать, пока Виктор исполнит их просьбу. Как только он закончил, женщина пробежала глазами написанное и протянула лист Бражнику. Тот поднялся со стула, взял бумагу и тоже прочитал, но более внимательно, после чего вернул объяснение следователю и уселся на прежнее место. Оба расположились так, что Березовская смотрела прямо в лицо Виктору, а Бражник сверлил взглядом его затылок.

– А теперь послушайте, что вы написали. – Кира, которая выглядела ни моложе, ни старше своих лет, даже несмотря на то что серая внешность должна не добавлять, а забирать годы, и все еще в восприятии Шамрая не дотягивала до Антоновны, откинулась на спинку своего стула. – Значит, так: «Я, Шамрай Виктор Максимович, работаю специальным корреспондентом в газете “Необычные факты”. Профиль нашего издания – различные необычные и уникальные явления, в том числе и паранормальные. Эти явления все сотрудники и авторы газеты в той или иной мере стремятся исследовать». Пока все верно?

– Верно, – подтвердил Шамрай.

– Согласна. Ваша газета известна всем. Читаем дальше. – Следователь вздохнула и ни с того ни с сего принялась выразительно декламировать: – «Пятого ноября сего года ко мне в редакцию пришла гражданка, представившаяся как Тамара Томилина. Ранее я с ней не был знаком...»

От того, как внезапно вынырнул из-за его спины опер, Виктор вздрогнул. Бражник поднес к самому его носу фотографию:

– Эта женщина приходила к вам?

С фото смотрела улыбающаяся Тамара. Снята она была крупным планом, причем на фоне египетской пирамиды. На ней была белая футболка.

– Эта, – кивнул Виктор.

Опер убрал фото и снова вернулся на место. Шамрай оглянулся было, но следователь продолжила читать, и он переключился на нее.

– «Тамара предложила мне тему для статьи. Она рассказала о безлюдном селе Подлесное, расположенном на границе Овручского и Народичского районов Житомирской области в зоне отселения. По ее словам, на территории этого села, покинутого жителями после аварии на ЧАЭС, находится аномальная зона. Эта зона негативно влияет на всех, кто так или иначе связан с упомянутой местностью». Верно?

– Верно.

– Пока что все в духе вашей газеты. – Следователь кивнула скорее себе, чем Виктору. – Вот вы тут дальше пишете: «Тамара Томилина в разговоре со мной отметила, что сама ощущает влияние этой аномальной зоны, поскольку в свое время ее мать забеременела ею в Подлесном и негативная энергия оказала воздействие на нее еще в утробе матери». И это верно?

Шамрай не стал спешить с ответом. Это не укрылось от Березовской.

– Это же вы сами написали, Виктор Максимович. Собственноручно. Понимаете, к чему я клоню?

– Нет, – честно признался тот.

– Когда подобные вещи появляются в вашей газете, это воспринимается совсем иначе. Так сказать, в контексте других публикаций вашего издания. Но в пояснительной записке следователю прокуратуры, который ведет дело об умышленном убийстве, это звучит довольно странно. У вас там, в журналистском коллективе, подобные истории идут на ура. Люди, которые вас читают, тоже не видят в этом ничего подозрительного. Потому что хотят верить – и верят. Но вот это, – Кира Антоновна помахала в воздухе исписанным листком, – я буду вынуждена подшить к уголовному делу. Поэтому мне необходимо принять решение: отнестись к этому как к желанию ввести следствие в заблуждение или просить вас дать другие пояснения.

– Которые можно было бы натянуть на трезвую голову, – подал голос со своего места опер.

Шамрай почувствовал, как мгновенно стали влажными ладони. Нервы, черт. Он старательно вытер их о джинсы.

– Нравится вам это или нет, господа, только других пояснений у меня для вас нет. Я написал все, как было. И расскажите, наконец, какое уголовное дело, какое убийство, при чем тут Томилина, а главное – при чем тут я?

– Не спешите, – проговорила Березовская. – Читаем дальше. Значит, так: «Проверяя слова Томилиной, я с группой коллег на следующий день, шестого ноября, выехал на

поиски Подлесного, которое на современных картах не обозначено. На трассе мы встретили работника милиции, который объяснил нам, как добраться до покинутого села, после того как мы изложили ему суть нашего дела. На территории Подлесного специалистом была осуществлена биогеолокация, в результате чего установлено наличие в этом месте геопатогенной зоны...» Это участки с плохой энергетикой? – уточнила следователь.

– Именно так.

– Ну и последний абзац: «По возвращении я связался с Тамарой Томилиной по телефону. Затем мы встретились в кафе на Соборной площади. Я рассказал ей о результатах нашего исследования и подтвердил: место, которое она указала, действительно может считаться аномальной зоной. На это Томилина сказала буквально следующее: “Я чувствую, как Подлесное зовет меня”. И сообщила о своем намерении отправиться на лечение к какой-то народной целительнице, которая, по ее словам, проживает где-то под Коростышевом, Житомирская область. После этого с Тамарой Томилиной я не общался и не видел ее. Где она может находиться в данный момент, мне неизвестно». Число, подпись. Все правильно?

– Да.

– А теперь скажите, с учетом того, на что я уже обращала ваше внимание: вы сами-то верите в то, что написали?

– Где именно? В газете или в пояснительной записке?

– По большому счету, – вздохнула следователь, – мне по-человечески любопытно и небесполезно было бы знать, насколько вы сами убеждены в том, о чем пишете в своем издании.

– Это наша работа. – Шамрай решил ограничиться таким ответом. – В рамках концепции. Главное, чтобы читатели в это верили.

– Мы не ваши читатели, – снова прорезался Бразник.

– Согласна, – кивнула Кира Антоновна. – Для вас и для тех, кто читает «Необычные факты», исчезновение Тамары Томилиной, которую якобы зовет к себе какое-то проклятое место в отдаленном и безлюдном селе, может казаться явлением, которое не нуждается в объяснениях. Это странная логика, логика навязанных обстоятельств, но она не имеет никакого отношения к той логике, которой руководствуются работники правоохранительных органов. Для нас, Виктор Максимович, исчезновение Томилиной, в какой бы там «параллельный мир» она ни нырнула, – в первую очередь исчезновение ключевого свидетеля умышленного убийства. Приходилось вам слышать о деле

Поддубного?

14

Банкира Григория Поддубного убили месяц назад, в конце октября.

Если бы Шамрай имел привычку смотреть телевизионные новости или читать другие газеты, кроме «Необычных фактов», иными словами, если бы он жил в более реальном мире, чем тот, который описывал в своих статьях и репортажах, эта история обязательно привлекла бы его внимание. Не каждый день в Житомире убивают финансистов такого масштаба.

Убитый бизнесмен как раз этим летом широко и с размахом отметил свое сорокалетие. Услышав об этом от Киры Антоновны, Шамрай заметил: «Сорокалетие не празднуют, примета плохая. Вот вам, кстати, и наглядное подтверждение». Следователь пропустила эту реплику мимо ушей – вряд ли суеверия могут иметь отношение к уголовному делу.

Итак, Григория Поддубного, сорокалетнего директора регионального отделения банка «Родослав», застрелили из пистолета марки «Beretta Storm» – оружия, которым в европейских странах, а с недавних пор и в Украине вооружаются преимущественно личные охранники. Убийца стрелял дважды. Первая девятимиллиметровая пуля застряла в брюшной полости, вторая пробила череп банкира. В обоих случаях стреляли почти вплотную, согласно заключению экспертов – не дальше, чем с расстояния вытянутой руки.

Убийство произошло на первом этаже загородного дома, принадлежавшего банкиру. После развода с женой Поддубный оставил ей и дочери громадную городскую квартиру, а сам поселился в загородном имении. Развод по обоюдному согласию, состоявшийся три года назад, не сопровождался скандалами, и, по словам всех, кто знал эту семью, никаких претензий имущественного или личного характера бывшая супруга не предъявляла. Наоборот, после развода они стали вместе появляться в тех местах, которые прежде Поддубный посещал в одиночестве. Встречаясь, бывшие супруги весьма оживленно общались. Даже знакомили друг друга со своими любовниками и любовницами.

Собственно говоря, о Тамаре Томилиной первой вспомнила именно бывшая жена покойного.

Томилина уже больше года была любовницей Григория Поддубного.

Каким образом она появилась в жизни банкира, ни его бывшая жена, ни близкие друзья, ни деловые партнеры точно сказать не могли. Однажды Поддубный просто появился вместе с ней на каком-то деловом ужине, представил как свою близкую подругу, а после

этого их все чаще стали видеть вместе. Из этого Шамрай сделал промежуточный вывод: оказывается, он ровным счетом ничего не знал о женщине, с которой случайно познакомился. Кроме того, что у нее имеется серебристый «Пежо», не новый, но в отличном состоянии. Теперь ясно, откуда у нее этот автомобиль. Но чем занималась Тамара, не считая того, что была любовницей банкира, он по-прежнему не знал.

Не знали об этом ни друзья убитого, ни следствие. Хотя им было вполне достаточно того обстоятельства, что девушка состояла в интимных отношениях с известным в городе бизнесменом. Этот статус при желании тоже можно считать профессией, причем одной из древнейших.

Было также неизвестно, кто именно вызвал милицию в загородный дом Поддубного. Звонок был анонимный, из таксофона на автовокзале. Дежурный по горотделу, принявший сообщение, позднее сообщил, что звонивший говорил явно измененным голосом: то ли женщина пыталась казаться мужчиной, то ли наоборот. Но время звонка было зафиксировано точно: двадцать три часа двадцать минут.

Впоследствии эксперты пришли к единодушному выводу: убийство произошло не позднее десяти вечера, плюс-минус пятнадцать минут. Исходя из этого, следствие предположило, что милицию мог вызвать либо сам убийца, либо – и это более вероятно – свидетель преступления. От места совершения преступления, то есть от загородного дома Поддубного, ночью вполне реально добраться на машине до вокзала за сорок минут.

– Допустим, – продолжал капитан Бражник, – что тело было обнаружено случайно. И наткнулся на него тот или та, кого банкир ожидал у себя дома после десяти вечера. Значит, либо гость разминутся с убийцей на считанные минуты, либо столкнется с ним нос к носу и едва избежит той же участи, что и банкир, либо он сам и был убийцей. В любом случае гостю, если он не был убийцей, требовалось время для оценки ситуации и принятия решения. Если же он им был и сам же вызвал милицию, то ему все равно понадобилось сколько-то времени, чтобы закончить дела в доме, ради которых, вероятно, и было совершено преступление. Так или иначе, двадцать-тридцать минут можно смело списать. Затем, добравшись до автовокзала, этот незнакомец мог еще пять-десять минут подождать, чтобы получить доступ к таксофону, расположенному подальше от посторонних ушей. Словом, по времени все совпадало.

Однако и Бражник, и Кира Березовская были склонны считать иначе. Да, со временем все вроде бы в порядке. Но только вряд ли убийца стал бы звонить в милицию, хотя и такой вариант не стоило отметать окончательно. При этом и опер, и следователь сходились в одном: неизвестный, измененным голосом сообщивший о преступлении дежурному по горотделу, мог во время убийства банкира находиться в доме. А значит, знал, как разворачивались события, и видел того, кто стрелял в Поддубного. Убийца же свидетеля не заметил: он прикончил банкира, развернулся и скрылся. В этом случае свидетель мог выждать какое-то время, дрожа от страха, потом выбрался из своего укрытия, увидел, что

произошло, и бросился звонить в милицию. При этом тщательно оберегая свою анонимность.

Это означает, кроме всего прочего, что у свидетеля была машина. Автомобиль Поддубного – «Мицубиси-Паджеро» – остался в гараже при доме. К сожалению, уже три недели не было дождей, поэтому следы других протекторов на придомовой территории и у въезда не сохранились.

Григорий Поддубный обычно сам водил машину. Лишь в редких случаях за руль садился специально прикрепленный к нему шофер. Это случалось, как правило, после какого-нибудь банкета, хотя алкоголем Поддубный не злоупотреблял. Его постоянно сопровождали двое охранников в отдельной машине, которую шеф отпускал сразу же после того, как маленький кортеж подъезжал к дому и охранники тщательно проверяли, все ли в порядке в окрестностях и на территории за оградой. Не похоже, чтобы Поддубный так уж опасался за свою жизнь. Или, скорее, как поговаривали те, кто давно знал убитого, он свое уже отбоялся в бандитские девяностые, когда все палили во всех.

И действительно, никаких заявлений об угрозах для его жизни милиция не получала.

В тот день все шло как обычно. Домой Поддубный вернулся немного раньше, чем всегда. По словам начальника службы охраны банка, в последнее время, приблизительно в течение полугода, шеф покидал офис и отправлялся домой лишь в тех случаях, когда там его ожидала к ужину Тамара. Поддубный как-то сам обмолвился: дескать, сложилась традиция – время от времени ужинать с любовницей при свечах. Такие ужины никогда не планировались заранее, поэтому никто не знал, когда шеф отправится на романтическое свидание. Даже он сам.

Охранники подтвердили: на втором этаже дома Поддубного в окнах горел свет. В тот роковой вечер банкир вернулся домой в четверть девятого. Примерно через час его убили.

Дальше – элементарная математика. У Тамары Томилиной имелся автомобиль. Жила она, как выяснил Бражник, на Крошне, в спальном районе, в небольшой двухкомнатной квартире, подаренной, очевидно, любовником. Но сам Поддубный, по полученной оперативниками информации, практически никогда там не бывал. Любовница предпочитала сама приезжать к нему, когда, по словам тех, кто хорошо знал банкира, у него находилось для Тамары время. Таким образом, за полтора часа до убийства Поддубного в его доме находилась, скорее всего, Тамара Томилиная.

Никакой информации о ссорах между любовниками. Наоборот, иногда Поддубный даже называл девушку своим «безопасным тылом», тогда как на деловом фронте постоянно кипели какие-то свары. Особенно сейчас, когда на фоне паники в связи с экономическим кризисом финансовая сфера пребывала в постоянном напряжении.

Также не было никакой информации о том, что Томилина имела огнестрельное оружие. В доме банкира оно было. Пистолет «ТТ» с дарственной надписью остался лежать там же, где и всегда, – в запертом сейфе в кабинете хозяина. Следовательно, девушка его не трогала и вообще вряд ли умела им пользоваться.

Свою «Беретту» убийца не оставил рядом с трупом жертвы. Это говорило о том, что убийство было не заказное. Киллеры обычно бросают свой огнестрел на месте преступления – все равно он засвечен.

Проведя не слишком сложные сопоставления, следствие построило наиболее правдоподобную версию того, что произошло месяц назад. Тамара Томилина, согласно установившейся традиции, приехала в дом любовника и ждала его там. В доме они были вдвоем, поскольку никаких доказательств присутствия третьего лица экспертам обнаружить не удалось. Ничто не предвещало беды, когда внезапно появился тот, кого не ждали. Приказав Тамаре оставаться на втором этаже, Поддубный спустился вниз, открыл дверь и впустил незваного гостя. Разговор между ними происходил в большом холле с камином, находившемся сразу за парадным входом. Из холла наверх вела лестница, расположенная так, что, если выглянуть из столовой на втором этаже, можно видеть все, что происходит в холле.

Теоретически Тамара Томилина могла быть свидетельницей убийства своего любовника, хорошо известного в Житомире банкира Григория Поддубного.

15

– Вот так, – подвела итог Кира Антоновна.

– И что? – спросил Шамрай. – Она все отрицает?

– Абсолютно все, – подтвердил Бражник. – Утверждает, что в тот вечер даже не собиралась к любовнику, сидела дома. Смотрела какой-то фильм ужасов на DVD, она такое любит – с духами и привидениями. Свидетелей, ясное дело, нет.

– А кто же тогда находился в доме Поддубного? Может, он просто забыл свет выключить? И охранники решили...

– Вы же сами понимаете, что мелете чушь, – утомленно проговорила Березовская. – Но есть один факт: когда Томилиной позвонили, чтобы сообщить о случившемся, она действительно была дома, спала. Однако о ее существовании мы узнали только под утро, когда опрашивали бывшую жену банкира, его друзей и коллег. До этого момента милиция девушку просто не искала.

Бражник неторопливо прошелся по кабинету, остановился у стены, развернулся и облокотился на нее спиной. С этой позиции он мог одновременно видеть обоих собеседников.

— Опять же, теоретически, можно предположить, что в тот вечер в доме Поддубного находился кто-то другой. Скорее всего, женщина, о которой не знала Томилина. Только во всем этом, чтобы вы понимали, есть один хитрый момент. Банкир подарил любовнице квартиру на Крошне, но при этом ничего ей не обещал. И обязательств перед ней не имел никаких. Тамара на допросах сама это подтвердила, да и другие тоже говорили что-то в этом роде. Если бы Поддубный пожелал сменить любовницу, расставание не было бы для него слишком болезненным. Хотя за это время он, кажется, успел привязаться к Тамаре. Тем не менее, повторяюсь, это совершенно ничего не значит. В доме могла находиться другая женщина. Но тогда мы вынуждены предположить, что и у этой женщины тоже была машина. Не слишком ли много совпадений? Или вы думаете, что свидетель убийства стал бы рисковать, приехав в пригород на такси, а затем, убегая с места преступления, воспользовался случайной попуткой?

— Это к чему вы клоните? — не выдержал Шамрай.

— К тому, что Тамара Томилина все-таки могла быть тем самым свидетелем, который видел, как все случилось, и знал, почему и кто именно это сделал. И именно она могла позже вызвать милицию, не желая по какой-то причине, чтобы ее тем или иным способом вычислили и начали допрашивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<https://www.litres.ru/andrey-kokotuha/anomalnaya-zona/?lfrom=362673004>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Заречаны – пригород Житомира, где находится областная психиатрическая больница № 1. (Здесь и далее примеч. перевод., если не указано иное.)

2

«Секретные материалы», «Медиум» – широко известные американские сериалы, герои которых специализируются на исследовании паранормальных явлений.

3

Биолокация – здесь: псевдонаучная методика, позволяющая посредством индикатора – рамки или маятника – определять наличие каких-либо предметов или объектов в пространстве, получать ответы с «уровня информационного поля».

4

Геопатогенная зона – участок земной поверхности, где наблюдаются негативные воздействия тех или иных факторов на живые организмы – людей, животных, растения.

5

Шамрай цитирует реплику из романа Р. Л. Стивенсона «Остров сокровищ». В этом эпизоде слепой Пью, передавая Билли Бонсу «черную метку», зловеще добавляет: «Дело сделано».

6

Сеть Хартмана – якобы существующая на Земле геобиологическая сеть. Согласно гипотезе, выдвинутой немецким ученым Хартманом, эта сеть опутывает практически всю поверхность планеты. Места пересечения линий сети – «узлы» – образуют неблагоприятные для здоровья геопатогенные зоны, которые, как утверждают сторонники этой гипотезы, можно обнаружить биолокационным методом.